

всепутная история в романах

Валерий ТУРИНОВ

ВАСИЛЕВС

Валерий Игнатьевич Туринов

Василевс

Серия «Всемирная история в романах»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69187096

В. И. Туринов. Василевс: ООО «Издательство «Вече»; Москва; 2023

ISBN 978-5-4484-3942-1

Аннотация

Три брата, пастухи из провинции Дардания, с котомками за плечами пришли пешком в Константинополь, чтобы поступить на службу в гвардию к василевсу. Судьба двоих неизвестна. Старший же, Юстин, дослужился до звания ипостратега и после смерти императора Анастасия был возведён гвардейцами на императорский трон, положив начало правления династии Юстинианов: Юстин I, Юстиниан I Великий, Юстин II, Тиберий, Маврикий.

Это было время борьбы Византии с нашествием варваров: гуннов, остготов, аваров, антов, славян, гепидов и лангобардов, накатывающих волнами великого переселения народов на заманчивые богатые города Византии. Время жёсткой борьбы христианских сект в Византийской империи за власть, за имущество, за право быть государственной церковью, легко променяв на это принцип своего учителя: «Кесарю – кесарево, а Богу – богово!»

Содержание

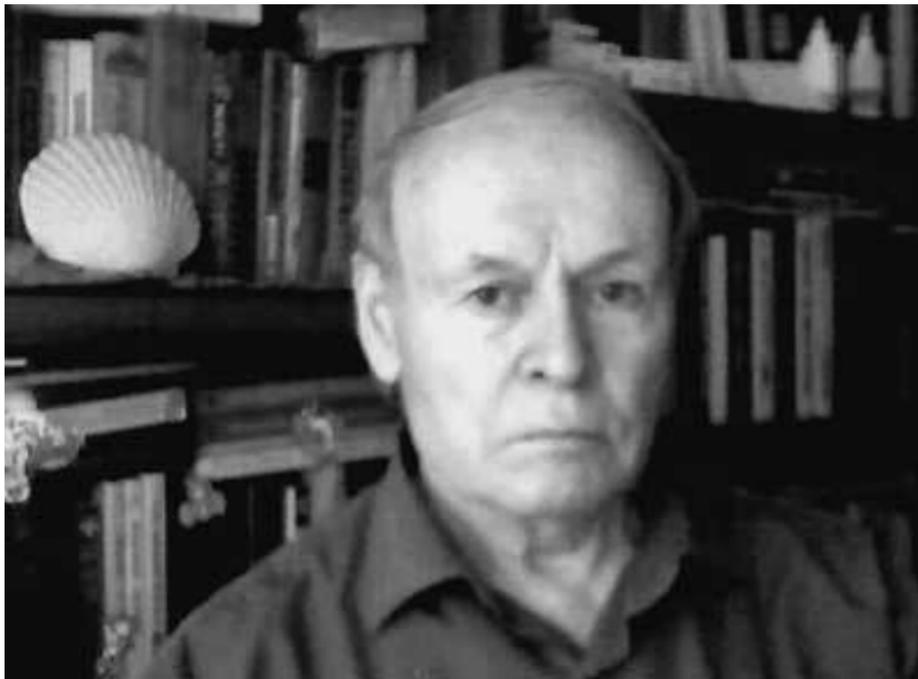
Об авторе	6
Глава 1. Пастух	9
Глава 2. Служба при дворе	27
Глава 3. Поход Теодориха в Италию	47
Глава 4. Юность Боэция	64
Глава 5. Анастасий	81
Глава 6. Родственные связи Теодориха	127
Глава 7. Юстин I	137
Конец ознакомительного фрагмента.	171

Валерий Туринов Василевс

© Туринов В. И., 2023

© ООО «Издательство «Вече», 2023

* * *

Туринов Валерий Игнатьевич

Об авторе

Валерий Игнатьевич Туринов родился и вырос в Сибири, в Кемеровской области. После службы в армии поступил в МИСиС, окончил его в 1969 году по специальности «полупроводниковые приборы» и был распределён на работу в город Ригу. Проработав там три года, поступил в аспирантуру МИСиС на кафедру физики полупроводников. После окончания аспирантуры и защиты диссертации в 1977 году получил учёную степень к. т. н. и был распределён на работу научным сотрудником в НПП «Исток» в городе Фрязино Московской области. Казалось бы, никакого отношения к истории и к литературе всё это не имеет, но каждый автор приходит в литературу своим путём, зачастую очень извилистым.

Начиная со студенчества, работая в геологических экспедициях летом на каникулах, Валерий Игнатьевич объездил Сибирь и Дальний Восток. В экспедициях вёл дневники, постепенно оттачивая стиль художественных приёмов, а сами поездки пробудили интерес к изучению истории не только Сибири, но и всего государства Российского, а затем – и к прошлому Европы.

Особенный интерес вызывали XVI–XVII вв. – эпоха становления национальных европейских государств и связанные с этим войны. Вот почему осенью, зимой и весной Валерий Игнатьевич, как правило, пропадал в РГБ (Российской

государственной библиотеке), собирал по крупицам в источниках судьбы людей, оставивших заметный след в той эпохе, но по какой-то причине малоизвестных сейчас, а то и вообще забытых.

К числу таких исторических личностей относится и француз Понтус де ла Гарди родом из провинции Лангедок на юге Франции. Он дослужился до звания фельдмаршала в Швеции, прожил яркую, насыщенную событиями жизнь. Этот человек заслуживал того, чтобы создать роман о нём!

Сбором материалов в РГБ дело не ограничилось. Изучая жизнь Понтуса де ла Гарди, Валерий Игнатьевич делал выписки из документов РИБ (Русской исторической библиотеки), из АИ («Актов исторических»), ДАИ («Дополнений к Актам историческим»), Дворцовых разрядов, материалов РИО (Русского исторического общества), а также из многих литературно-исторических сборников, как, например, «Исторический вестник» за 25 лет.

Пришлось проделать большую работу, чтобы иметь более широкое представление об эпохе, а также о других известных исторических личностях, повлиявших на судьбу Понтуса де ла Гарди, или, говоря словами одного из героев, «сделавших» его человеком.

Эта деятельность, помимо основной работы по профилю образования, отнимала много времени и сил. Поэтому докторскую диссертацию в родном МИСиС Валерий Игнатьевич защитил поздно, в 2004 году, с присуждением учёной

степени д. ф.-м. н., имея к тому времени уже свыше сотни научных публикаций и десятков патентов по специальности.

Избранная библиография автора (романы):

«На краю государевой земли»,

«Фельдмаршал»,

«Василевс»,

«Вторжение в Московию»,

«Смутные годы»,

«Преодоление».

Глава 1. Пастух

В 473 году от Рождества Христова в провинции Дардания¹ Византийской империи выдалось засушливое лето. Стояла жара, обмелели реки. Для жителей этого уголка Балкан впереди замаячила угроза неурожая, голода зимой.

Четыре молодых человека, стройных и крепких, перешли вброд реку Аксий² на её правый берег. Затем они перешли всё так же вброд речушку, впадающую здесь справа в Аксий... Каменистое дно, быстрое течение, прозрачная чистая горная вода... Нога скользит на гладких камнях, стремительно мелькают стайки рыб...

Выйдя на берег, они встали, оглянулись назад, где за Аксием осталось их родное село Тавресий в одной из лощин. Бедные хижины, словно напуганные чем-то, прижались друг к другу, скрываясь в зелени садов, рядом с крохотными полями, засеянными ячменём. Но на полях отчётливо желтели пятна посохших всходов, убитых всё той же засухой.

Поправив за плечами котомки с запасом харчей, они двинулись по извилистой горной тропе вверх, взбираясь на плоскогорье, отделяющее речку Треску от речки южнее её. Справа от тропы вниз уходили полого склоны, заканчиваю-

¹ Дардания – на севере современной Македонии.

² Аксий – современная река Вардар в Македонии.

щиеся скалами, падающими отвесно в воды Трески, которая бурлила и металась в тесном горном проходе. Она, словно дикая лошадь, сорвавшись с привязи, редела и рвала всё на своём пути, стремясь быстрее слиться с Аксием, неслась по камням и пеной исходилась, стыдливо прикрываясь, как фатой, завесой из пыли водяной. За ней же, за Треской, вдали, у самого горизонта, виднелось узкое плоскогорье, Сухая гора.

Вскоре, утомившись на крутом подъёме, молодые люди остановились передохнуть на уступе скалы, поросшей по краям орешником, с ещё зелёными плодами. Со скалы открывался широкий вид на Аксий, на его берега, выше по течению которого на его правом берегу виднелись развалины городка Скупи³, разрушенного землетрясением четверть века назад. Ниже по течению Аксия, недалеко от их села Таврессий, на том же берегу, раскинулась громадная, по сравнению с их селом, крепость Бедериан, на просторном крепостном дворе которой в это время строились солдаты гарнизона. И даже отсюда, издали, было заметно, как отливали их доспехи металлическим блеском.

– Ромеи! – тихо произнёс старший из путников, среднего роста, коренастый и сильный.

Его звали Юстин, ему было двадцать три года. Как замороженный не сводил он взгляда с ромеев, их командира, статного здоровяка, с султанчиком, украшающим его шлем... Он уже давно мечтал попасть в гвардейцы, в когорту к василевсу

³ Скупи – современный г. Скопье, столица Северной Македонии.

в Константинополе, но всё как-то откладывал и откладывал из-за хлопот в родном хозяйстве и забот о стариках-родителях.

Его товарищи, переведя дух, ответили ему с восторгом: «Да, ромеи!»

– Ладно! – сказал Юстин. – Пошли! Нам пора! У нас свои дела!

Они двинулись дальше, выше в горы. К концу дня они вышли к Туинскому камню. И здесь, вблизи этой вершины, заметив удобное местечко, они заночевали. И только на следующий день к вечеру они подошли к горному массиву Яма Бистрица, конечному пункту своего похода.

Впереди же, на запад, за речкой Радикой, притоком Чёрного Дрина⁴, замаячила Кораба, главная вершина массива Дешата. Там, вблизи той вершины, всегда можно было встретить стада горных коз. Иногда сюда, на высокогорья, на эти горные массивы Яма Бистрица и Дешата, на их буйно зеленеющие луга, орошаемые таявшими снежниками вершин, забредали и стада оленей. Особенно сейчас, когда засушливая пора гонит их сюда снизу, из долин.

Туда он, Юстин, ещё мальчишкой собирался как-нибудь сходить. Но так и не пришлось. Ежедневные заботы на крестьянском дворе, домашний скот не оставляли свободного времени... А теперь, наверное, подумалось ему, уже не сбыться тем юным мечтам... Он опустил голову, вздохнул...

⁴ Дрина – правый приток р. Сава (бассейн Дуная).

В этом, в мечтах, да и вообще характером он был похож на свою матушку: недалёкую, просто мыслившую повседневными заботами крестьянку, терпеливо несущую по жизни тяготы сельского труда.

За день охоты они, устраивая загоны, добыли трёх коз и одного козла. И наутро третьего дня они отправились в обратный путь, неся каждый свою долю добычи.

* * *

Матушка Милена, выйдя из хижины, обратила свой взор на горы, в сторону заката солнца, на другой берег Аксия, стала всматриваться, надеясь разглядеть что-нибудь там, на фоне сплошного зелёного моря... Но нет!.. Там ничего не было заметно: ни малейшей точки, ни движения. Даже не видно было коршунов, обычно парящих над скалами... Горы, покрытые густыми зарослями липы, вязов и орешника, замерли, страдая тоже от полуденной жары.

Прошло уже четыре дня, как её сыновья ушли туда на охоту.

Постояв ещё немного, бездумно глядя на горы, матушка зашла обратно в хижину.

К вечеру этого дня вернулись с гор её сыновья. И хотя вернулись они с добычей, не с пустыми руками, но необычно раздражённые.

Дело было в том, что одним тем, что давало их крохот-

ное поле, их большое семейство кормиться не могло. Кроме сыновей в семействе были ещё две дочери. Поэтому приходилось ходить в горы на охоту. Но в этом году, засушливом и неурожайном, все эти беды обострились. И они, уже взрослые её сыновья, вынуждены были уходить всё дальше и дальше в горы, поскольку олени и козы тоже ушли из этих засушливых мест.

– Всё! К чёрту такую жизнь! – вскричал Юстин. – Прочь отсюда, пока не подошли с голоду!..

– Юстин, а как же мы, старики? – спросила его матушка Милена. – Отец уже больной, не может работать в поле... Да и я вскоре уже не потяну хозяйство...

Она стала выговаривать сыновьям об их долге перед родителями. Но они слушали её рассеянно, отводя в сторону глаза.

И она скорбно поджала губы, замолчала. Она чувствовала и свою вину в том, что не могла ничего дать им в жизни. Лицо её прорезали крупные морщины. За последнее время она сильно постарела от забот, хотя была всё ещё статная и крепкая, как и её сыновья, которые были все в неё.

– Я не держу вас, мальчики, – после глубоких раздумий тихо произнесла она.

Она хотела сказать ещё что-то, но только опустила руки, взметнувшиеся было на мгновение от желания обнять, прижать к себе, не отпускать их, своих птенцов, как говорила она иногда в минуту откровения.

Старший её сын, Юстин, с простоватым лицом человека, не скрывающего свои мысли и чувства, был рассудительный, неторопливо мысливший.

И ей думалось, что он будет им, старикам, опорой в старости.

Сосед Савватий, ходивший с ними тоже на охоту, стоял поодаль, чтобы не вмешиваться в домашние распри соседей. Когда же стало совсем неудобно оставаться здесь, он ушёл к себе на двор.

Этим вечером у них в хижине было весело, радостно. Мать приготовила жаркое. На столе появились фрукты из своего сада. Отец достал из погреба вино, игристое, красное, хмельное.

Выпив вина, они, усталые, но довольные, отошли от стола, расселись по лавкам.

Мать, расстроенная от скорого расставания с сыновьями, не могла молчать, стала рассказывать о прошлом.

– Тому уже двадцать пять лет как будет! – глядя на мужа, Михалю, начала она рассказ, словно приглашая и его поддержать её, что она говорит правду, как было тогда. – В тот год через наше село шли гунны... Орда хана Аттилы... Шли они куда-то на восход солнца... В народе говорили, что на Константинополь... Мне тогда было уже семнадцать лет... А ему! – показала она на Михалю. – На пять лет больше... Мы только-только поженились. Свадьба была... А тут на тебе! Гунны!.. Мы и раньше слышали, что это разбойный народ!..

Из села все и побежали в горы и леса! Мы с сестрой Гурьяной и Михаль тоже убежали в горы, на той стороне Аксия. Там Михаль уже скрывался два года назад, когда вот так же проходила орда через наше село. И там, в горах, он соорудил землянку, в укромном местечке...

Два дня шла орда через их селение. Вереницы конных, повозок с женщинами и детьми, гнали скот, овец, табуны коней.

Когда орда гуннов схлынула, ушла куда-то дальше вниз по течению Аксия, Михаль и все беглецы вылезли из своих укрытий.

Вся семья собралась снова в свою убогую хижину. Было много слёз, разговоров... Гунны-то, степняки, всё пограбили, что нашли в селе... Голодно стало в их краю.

Разорённые окрестные деревни, поля, сады и огороды, ни скота, ни птицы. Наступила голодная зима. Весной особенно стало неважко от голода. Ожили было с наступлением лета... Снова поползли слухи о гуннах, что они вроде бы дошли до Фермопил, но не стали осажать Константинополь... Говорили, что император Феодосий откупился от них. И они ушли обратно к себе за Истр⁵...

Через три года, когда умер император Феодосий, дошли слухи из той же крепости Бедериан, что гунны двинулись на запад, в королевство франков. И там было жестокое сражение... Гунны, непобеждённые, но потеряв много воинов, бы-

⁵ Истр – старинное название Дуная ниже Железных ворот.

люю силу, ушли на север, за Данубий⁶... Ещё через год распространился слух, что их вождь, Аттила, умер!..

По всем окрестным селениям разнеслась эта радостная весть. Все облегчённо вздохнули.

– Тебе тогда исполнилось три годика, – показала она на Юстина.

Но опустошённые поля и деревни оживали медленно. Много умерло селян с голоду. Пустеть стала земля, деревни иллирийские...

– Ну да и ладно: помер и помер!.. Что это мы всё о плохом да о плохом, – заметил отец, насупился, перевёл взгляд на Юстина. – Пора и спать ложиться. Утром и поговорим о вашей затее далее.

* * *

На следующий день Юстин наведлся к Савватию, в соседнюю усадьбу, зашёл к нему во двор.

Савватий вышел из хижины, чтобы встретить его.

– Привет! – хлопнул Юстин приятеля по плечу.

Они уселись на лавочку в саду, под яблоней, как, бывало, часто сидели ещё в детские годы, чтобы поделиться новостями, затем шли в ближайший лесок играть в разбойников.

Он сообщил Савватию, что он и братья собрались идти

⁶ Данубий – старинное название Дуная выше Железных ворот.

в Константинополь: искать там свою судьбу, удачу. Об этом он говорил не раз вот с ним, приятелем. И вот теперь они, Юстин, Дитибист и Зеркон, окончательно решились на это.

– Ты остаёшься здесь за старшего, – стал он объяснять другу то, о чём хотел договориться. – Присматривай за моими стариками и не давай никому в обиду нашу сестру, Бигленицу... И, знаешь, я хотел бы, чтобы ты женился на ней, когда она подрастёт...

Савватий смутился.

Но Юстин, обняв его, рассмеялся.

– Лучшего мужа для неё я не хотел бы!..

Савватий дрогнувшим голосом обещал это ему.

Юстин же давно заметил, что Савватий заглядывается на Бигленицу. Той хотя и было всего семь лет, но уже сейчас она была красавица, а к девическому возрасту обещала расцвести ещё сильнее.

Они простились. Юстин сунул свою жёсткую мозолистую ладонь другу, обнял его, грубовато похлопал по спине, не приученный к нежностям тяжёлой крестьянской долей.

* * *

Всё семейство их, иллирийских крестьян, вышло из хижины во двор усадьбы.

Юстин закинул за плечи котомку с харчами, поправил её. Затем он помог закинуть за спину мешки с сухарями млад-

шим братьям – Зеркону и Дитибисту, которые тоже уходили с ним в люди.

Он оглядел своих братьев, их готовность на дальнюю дорогу.

– Подтяни лямки мешка, – велел он Дитибисту. – Натрёшь плечи!..

Мать обняла каждого сына, перекрестила: «С Богом, родимые вы мои!»... Глаза у неё наполнились слезами.

Братья, зная сердобольный характер матери, её плаксивость, не стали тянуть с уходом.

Перекрестившись, они натянули на голову малахаи, заторопились к воротам своего двора. Помахав рукой матери на прощание, уже отойдя далеко от родного дома, они вскоре скрылись внизу, под горой, на которой стоял их двор, по дороге, ведущей к околице села.

Мать же, вместе с Бигленицей, ещё долго стояла у своей хижины, глядя вслед сыновьям... Вот они показались на какой-то миг вдали, у последней хижины, стоявшей на краю села... Она вскинула руку прощальным жестом, надеясь, что они обернутся ещё хотя бы раз в сторону своего родного двора... Но они не обернулись. Затем они как-то быстро превратились в маленькие точки... И исчезли вдали, исчезли для неё навсегда...

Они, её сыновья, спешили скорее в большой мир, неведомый, от этого заманчивый и, как им казалось, прекрасный, где царит справедливость и счастливо живут люди. В нём не

будет ежедневной нужды, тяжёлого крестьянского труда, постоянной угрозы голода.

* * *

Через месяц они подошли к столице и остановились у городских ворот. С подтянутыми скулами, исхудавшие от скудного ежедневного пайка, они производили впечатление богомольцев. Тех богомольцев, блуждающих по дорогам Византийской империи в поисках земного рая и справедливости, божьего уголка, обещанного новой религией, но не находили его и не догадывались, что их, простодушных, снова обманули...

На их лицах отразилось изумление оттого, что они увидели.

– Что это за ворота! – воскликнули они одновременно. – Золотые?!

Стражники у ворот засмеялись.

– Эх-х! Деревня!.. Золотые там, у Пропонтиды!⁷ – махнул рукой один из них в сторону стены, уходящей куда-то на юг, в сторону солнца, стоявшего в зените. – Это же Харисийские!

Разъясняя это им, стражник потешался над ними, грубыми и обветренными, в драной одежде, босых и грязных, не замечая горящих, жадных до новизны глаз.

⁷ Пропонтида – древнегреческое название Мраморного моря.

Проезд и проход в среднюю, высокую арку этих ворот был закрыт. Она открывалась только для триумфальных въездов императоров, как сообщил всё тот же словоохотливый стражник.

Арка была роскошная, опиралась на изящные мраморные колонны с коринфскими капителями⁸.

Стена, на которую указал стражник, тянулась по обе стороны от ворот, уходя на юг к Пропонтиде и на север к заливу Золотой Рог. За стеной же угадывался громадный город. К тому же она была двойная: внешняя и внутренняя, более высокая. Между ними, внешней и внутренней стенами, находился ров, тоже громадный, широкий.

Перед этой, малой наружной стеной, как сказали стражники, тоже находился ров, глубокий, обложенный кирпичом. Он тянулся вдоль стены города в обе стороны от ворот, исчезая вдаль, как и сами стены.

Юстин хотел было сосчитать башни, но после третьей он, безграмотный и не умеющий ни читать, ни писать, сбился со счёта, плюнул на это тяжкое для него занятие, по-мужицки грубо выругался...

Его братья тоже таращили глаза на стену, как им сказали, Феодосиеву, на ворота с изящными пилонами из мрамора, тонкими, казалось, невесомыми, воздушными, и на башни, украшенные наверху орнаментами.

⁸ Капитель (*лат.* capitellum – головка) – венчающая часть колонны, столба или пилястры.

– Ладно, проваливай! – закричал на братьев другой стражник, с физиономией, изъеденной оспой. – Не мешайтесь тут!..

И они вошли в боковую, левую арку, оглядывая всё восхищёнными глазами, прошли одни ворота, в наружной малой стене крепости.

До других ворот, в большой стене, было шагов двадцать. Между этими стенами тоже был ров, глубокий и широкий, обложенный камнями по бокам.

Они прошли дальше, через ворота в башне внутренней стены... И вот наконец-то они вступили в сам город. Их взорам открылся громадный город, купола церквей и дворцов, теряющихся где-то в дымке полуденного марева.

Вовсю глазели они на какие-то странные сооружения, непонятные для них, сельских жителей: анфилады, портики⁹, спасающие от палящих лучей солнца, виадук, сады и высокие, стройные кипарисы... Лачуги и хижины они, привычные к ним, не замечали...

И они робко вступили на мостовую улицы, прямой как стрела, поманившей куда-то их... И они пошли по ней.

По дороге они спросили у какого-то встречного, что это за улица и как им найти дворец императора. Незнакомец окинул ироническим взглядом их, оборванных и босых, с котомками за спиной, с сарказмом спросил, зачем они идут к

⁹ Порттик – галерея на колоннах или столбах, обычно перед входом в здание, завершённая фронтоном или аттиком.

императору.

– Мы хотим служить в его гвардии! – с гордостью признались братья, невольно приосанились.

– Тогда вам надо не к императору, а к комиту!¹⁰ – стал объяснять прохожий им, поддаваясь очарованию от вида провинциалов, молодых и наивных.

Он замолчал, красноречиво оглядел ещё раз их, усмехнулся.

– Вам надо не туда, а вон туда! – показал он рукой в сторону от этой прямой, широкой и замощённой камнем улицы. – Там, в Евдоме, найдёте комита или какого-нибудь кентарха¹¹ из легиона... Эта же улица называется Меса! Если пойдёте по ней, дойдёте до арки Феодосия! А там рукой подать и до форума Константина!

Посчитав, что он достаточно внятно всё объяснил, прохожий, пожелав им удачи, пошёл дальше своей дорогой.

Прохожий сообщил им, что до арки Феодосия две мили¹² да ещё миля до дворца императора. И лучше им туда не ходить, а сразу идти в Евдом, на Марсово поле¹³, где стоят лагерями легионы. Для этого надо свернуть у стены Константина направо и, придерживаясь этой стены, идти до цистер-

¹⁰ Комит – военачальник.

¹¹ Кентарх – низший ранг офицера.

¹² Римская миля – 1480 м, применялась и в Византии.

¹³ Марсово поле – военный лагерь, там же был Трибунал и Евдом (загородное поселение и дворец императора) на берегу Пропонтиды за Золотыми воротами.

ны святого Мокия, а там, снова повернув направо, пройти ещё полторы мили до Евдома.

Так они и сделали.

И вот они предстали перед комитом.

Это оказался добряк, с короткими, толстыми и сильными руками и ногами, напичканный солдатскими шуточками.

Посмеявшись тоже над их внешностью, он объявил им обязанности их, сколько будут получать динариев¹⁴.

– Да приоденьтесь! Хм! – ухмыльнулся он, глядя на них. – Оборванцы!.. Теперь вы гвардейцы императора!.. А не какие-то бродяги!..

Комит проводил их до одной из палаток городка, раскинувшегося на Марсовом поле, ввёл их в палатку.

– Устраивайтесь! – показал он на пустующие лежаки. – У вас день, чтобы привести себя в порядок. Форму, одежду, получите у интенданта!.. Завтра на построении быть по форме, как положено легионерам!..

Он ушёл, буркнув что-то на прощание.

Тут же, рядом с Евдомом, был и Трибунал, место проведения торжественных коронаций императоров и построения войска по случаю знаменательных побед.

И началась их жизнь в лагере. Совсем как в крепости Бедериан, что стояла рядом с их селением. И они, любопытствуя, ещё с малых лет наблюдали все процедуры там, за

¹⁴ Динарий – мелкая монета, бывшая в употреблении у римлян, примерно равная драхме, греческой серебряной монете.

стенами крепости. Поэтому уже были готовы к построениям утром на плацу в их палаточном лагере. Затем следовали занятия с оружием: их учили драться на мечах, метать дротики, ходить строем с копьями на приступ потешных городских стен, они карабкались по лестницам, разыгрывая штурм крепости... После полудня, скудного обеда, но достаточного, чтобы они, легионеры, не зажирели, как выражался их ротный комит, отдохнув, они шли к Пропонтиде, отрабатывали там захват кораблей противника, триер¹⁵ и галер. Одни из них, изображая условного противника, садились на галеры за вёсла, другие, с мечами и щитами, штурмовой отряд, защищались от нападавшего противника, который шёл на abordаж триеры, таранил её носовым шпилем, сметая постройки на борту, проходил по сидевшим на вёслах легионерам, под дикие крики, звон мечей и щитов... И гул стоял над гаванью Феодосия ещё долго после такого сражения...

В один из дней, вскоре после начала их службы, они выбрались наконец-то на берег залива Золотой Рог. Залив оказался весь забит кораблями: триеры, галеры, шлюпки, какие-то лодки и баркасы... Снуют туда-сюда...

То, что они увидели везде здесь, в столице, они только представляли по рассказам бывалых стариков из своего селения.

¹⁵ Триера – у древних греков и римлян судно с тремя ярусами вёсел.

Прошёл год. Братья освоились со службой. Легион, казарма, их товарищи по службе стали для них своими, вторым домом.

На одном из построений их легиона, на смотре, их строй обошёл сам комит, присланный из императорского дворца.

Дело было в июле. Стояла сильная жара. Но, не обращая на это внимания, легионеров всё же вывели на Марсово поле и построили.

Они выстроились со штандартами когорт, во всём снаряжении, в броне... Стояли ждали... Изнывая от жары, начали роптать... Послышались раздражённые голоса... Ротные забегали по рядам, покрикивая на легионеров... А вон там дали кому-то по зубам... Ещё сильнее взвилась страсти...

И вдруг всё внезапно стихло... На краю Марсова поля показалась группа всадников. В изящных доспехах, блестяли на солнце шлемы, фонтанчиками играли под ветерком на шлемах перья, на гривах коней, испытанных и закалённых в тяжёлых сражениях. Под всадниками были кони калабрийские, их поступь твёрдая, глаза горят, стучат копыта по сухой земле, взбивая клубы пыли за собой.

Впереди группы всадников покачивался в седле человек, он явно отличался от остальных, хотя был также в блестящей броне. Султанчик на его шлеме указывал, что это персона

совсем иная.

И Юстин догадался, что это император.

Когорта замерла, вытянулись её ряды, исчезли волны, которые вот только что коробили её, по ней ходили.

Император был широк в груди, и ростом не обидел его Бог, осанка благородная там выпирала из-под его одежд, роскошных тоже. Лицо загаром тёмным опалило, а голову осыпала густая седина. Суровый взгляд, и не отводит он глаза смущённо, что порой заметно даже у крутых вояк.

Таким увидели Юстин и его братья императора, узнав о нём уже немало от легионеров, из уст которых слышалось о нём лишь восхищение.

Да, это был сам император Лев, фракиец происхождения, о чём Юстин и его братья уже знали.

Всадники, подъехав к легиону, встали перед строем.

Император оказался как раз напротив когорты, в которой был Юстин с братьями.

Он стал говорить. И голос твёрдый был и зычный, а речь его лилась неспешно, с расстановкой, и каждый мог понять, что говорил он, вникнуть в мысль его простую.

Глава 2. Служба при дворе

Вскоре Юстина зачислили в дворцовую охрану, а его братья, которые выглядели не так браво, остались всё в той же когорте, на Евдоме. До Евдома было не близко от дворца василевса, и теперь он стал выкраивать время, чтобы повидаться с Зерконом и Дитибистом.

Первое время на посту у дверей Большого дворца он стоял обычно навтыжку, боясь шелохнуться, в восторге оттого, что ему доверили такое важное дело... Ветер приносил с Босфора прохладу. С холма, на котором раскинулся дворец, хорошо был виден весь пролив. С противоположной стороны этот холм отделялся от второго холма широким оврагом... За Босфором же, на азиатском берегу, в морской дымке виднелись очертания городка Хрисополя¹⁶... Незаметно его взгляд перебежал на залив Золотой Рог... Там же, в заливе, суда и корабли, казалось, двигались сами собой. И он, наблюдая за этими странными маневрами галер и мелких торговых судов, терялся в догадках, стараясь понять, почему они так делают: опускают грёби и паруса... Много позже знатоки объяснили ему, что это из-за того, что на севере залив Золотой Рог защищают от ветра горы, с других же сторон холмы города. И в заливе нет места для разгула ветра,

¹⁶ Хрисополь (совр. Скутари) – город напротив Константинополя.

поэтому суда не сносит ни течение, ни ветер.

Бывало, когда он спешил на свой новый пост у дверей какой-нибудь палаты, он путался первое время среди многочисленных переходов, мраморных лестниц, ведущих то вниз, то вверх, двориков, мощённых мрамором... Слышался смех, порою громкий говор какого-нибудь придворного или схолярия¹⁷... Их прерывал обычно смотритель дворца, силенциарий¹⁸, на котором лежала обязанность поддерживать порядок во дворце на церемониях, когда следовало соблюдать тишину в зале, заполненном гостями, придворными, послами, телохранителями и слугами.

Он быстро освоился со своими обязанностями – стоять на карауле у дверей дворца василевса. Исполнительный, молчаливый и пунктуальный, он располагал этим к себе окружающих сослуживцев и начальников. Среднего роста, сильный, широкоплечий, он обращал на себя внимание, даже когда стоял на карауле вместе с такими же молодцами, каких специально отбирали в экскувиты¹⁹. И они гордились этим. Служба обязывала, и у Юстина редко выпадал день, когда бы он мог навестить братьев в том же Евдоме.

Один раз, вернувшись со встречи с братьями, он заступил, как обычно, на свой пост у входного портика Большого

¹⁷ Схолярии – придворная охрана.

¹⁸ Силенциарий (от *лат.* *silentio* – молчание) – один из служителей при дворе, обязанностью которых являлось поддержание покоя и порядка во дворце.

¹⁹ Экскувиты – воины особого отряда императорской гвардии.

дворца.

Стоя на карауле вместе с напарником, он заметил «красавчика». Тот обычно входил через этот портик в императорский дворец, проходил мимо них, караульных, и они уже знали его в лицо.

– Это Анастасий, силенциарий, – шепнул напарник Юстину. – Красавчик...

Да, действительно, тот был красавчиком: высокий ростом, стройный, ходил легко и мягко, как кошка. Черты его лица, мужественные, не портила даже своеобразная женственная миловидность...

Тем временем красавчик уверенно подошёл к ним, караульным, остановился перед ними и нахально уставился на него, на Юстина.

Юстин смутился, не смея отвести взгляд и в то же время не в силах смотреть этому человеку прямо в лицо... Его поразили, загипнотизировали глаза красавчика: один глаз, левый, был у него чёрный, а другой, правый, светло-голубой. Из-за этого у красавчика было ещё прозвище Дикорос... Такого Юстин никогда не видел, но слышал, что это вызывает особую страсть у женщин. Дьявольский взгляд, говорят в народе, искушающий женщин и девиц... Под доспехами ему стало жарко, он вспотел, струйками потекли капли пота по лицу, предательски выдавая его.

А тот, красавчик, нахально, не мигая, пялился на него...

– А ну, пойдём со мной! – велел красавчик Юстину.

Затем он перевёл взгляд на напарника Юстина, но ничего не сказал тому, а приказал своему слуге, с которым пришёл: «Стой здесь!» – и показал на место Юстина.

Зная, что его приказы не обсуждаются, он пошёл через портик во дворец.

И Юстин последовал за ним.

Пройдя портик, они спустились по мраморным ступеням на территорию дворца и направились в сторону парка. Там, в парке, были собраны редкие, экзотические растения. Их присылали в подарок императору от королей и правителей Африки, Месопотамии, Египта и других стран.

Там были орхидеи откуда-то из Индии. Их запах и цвет обожали императрица Верина и её дочь Ариадна, замужем за патрицием²⁰ Зеноном.

Ему же, Юстину, цветы вообще не нравились. Их он не замечал как-то до сих пор по жизни.

Они прошли одну аллею, другую, свернули налево и оказались перед оранжереей, под крышей которой были собраны особенно нежные цветы и растения, не выдерживающие здешних заморозков.

У входа в оранжерею Анастасий остановился, велел Юстину стоять у двери оранжереи.

– Никого не пускай в неё! – буркнул он.

Юстин встал у двери, недоумевая, зачем такая строгость и таинственность.

²⁰ Патриции – древнейшая римская знать.

Анастасий открыл дверь и шагнул внутрь оранжереи.

Юстин же, любопытствуя, заинтригованный всем этим, невольно повёл взглядом за ним и краем глаза заметил, как внутри оранжереи мелькнуло роскошное платье дамы между кустами жасмина... Он узнал Ариадну...

И он быстро отвернулся, испугавшись, что подсмотрел то, чего ему не полагалось знать... Он похолодел, догадавшись, что попал на свидание любовников... Мысли заскакали у него в голове... Что будет, если до Зенона дойдёт, что он, Юстин, желторотый, глупец, оказался замешан вот в это: свидание его супруги с придворным красавчиком...

Дверь за Анастасием, слегка скрипнув, закрылась. Юстин вздрогнул от этого слабого звука и замер, вытянулся по стойке смирно, как будто действительно оказался на посту, охранял что-то важное и тайное империи.

Долго тянулось свидание. Так что Юстин успел передумать многое... Мысли, перебивая одна другую, проносились у него в голове, не оставляя о себе ни малейшего следа... И он терялся, не находя ответа на то, почему Анастасий выбрал сопровождающим на свидание именно его...

Но вот снова послышался скрип двери у него за спиной.

Анастасий, выйдя наружу, подошёл к неподвижно стоявшему Юстину. Посмотрев на него, на его одеревеневшее лицо, он догадался, чем это вызвано... Усмехнулся... Поправив съехавшую с плеча тогу, слегка помятую, он стряхнул с неё пыльцу каких-то цветов... От него ужасно несло запахом

жасмина.

– Пошли! – коротко бросил он Юстину и направился назад той же дорогой, какой они пришли сюда.

Там, на карауле у дворцовых дверей, он обратно поменял Юстина на своего слугу. Юстин же встал на своё место караульного.

После этого случая Анастасий не раз брал с собой Юстина, когда посещал оранжерею. И Юстин со временем освоился с новой для себя обязанностью охранника, перестал волноваться и нервничать. Со временем между ними завязалось даже что-то вроде дружеских отношений. Анастасий стал доверять ему, поняв, что этот экскувит не болтлив. А Юстина с того дня стали повышать в звании, он пошёл при дворе в гору. Как он понял, стараниями той же Ариадны.

* * *

С самых первых дней службы при дворе Юстин, стоя на карауле у входного портика во дворец, заметил необычную компанию юнцов, а затем оказался втянутым в конфликт с ней.

Эта компания шалопаев-подростков таскалась не только по городу, где хотела, и творила что угодно, но вела себя так же и во дворце, вход куда, оказалось, был разрешён им по указанию самого императора Льва.

– Кто это такие? – спросил Юстин своего всезнающего по-

кровителя, имея в виду молодых людей лет по пятнадцать, шальных каких-то, судя по тому, что они вытворяли во дворце. А что уж говорить об улицах города. – Они что, прасины или венеты?²¹

– Не-ет! Ха-ха-ха! – рассмеялся Анастасий. – Это остготы!..²² Вон тот – высокий, самый сильный и нахальный, это принц-заложник Теодорих, сын короля Теодемира. Уже шесть лет как живёт здесь!.. Лев, когда стал императором, лишил остготов Теодемира денежных окладов. Хотя Теодемиру с его остготами предыдущий император Маркиан разрешил поселиться на правах федератов на приграничных землях империи и за службу на границе стал платить жалованье... В ответ на этот шаг императора Льва король Теодемир разорил города Фракии... И Лев вынужден был снова заключить договор с Теодемиром, что будет выплачивать ежегодно шестьсот золотых динариев в качестве жалованья его остготам!.. А этот принц – гарантия, что обе стороны будут исполнять договор... И вот теперь они, эти молодые шалопаи, живут здесь, не учатся, бездельничают и только задираются на жителей города... С ним, с Теодорихом, таких – десяток, его приятелей, составляют ему компанию, чтобы ему не скучно было.

²¹ Все цирковые партии назывались димы. Прасины и венеты – основные соперничавшие партии, различающиеся по цветам: зелёные и синие; были ещё красные и белые.

²² Остготы, готы – германские племена.

Анастасий хотел ещё что-то рассказать про этих юных придворных остготов, но переключился на иное.

– Ты с ними не связывайся! Даже если будут задираться!.. Изобьют! Это стая волчат!.. И даже император не поможет – не встанет на твою защиту. Потому что ему нужно этих заложников передать тому же Теодемиру в целости и сохранности!.. Растут безграмотными: ни по-латыни, ни по-гречески писать не умеют. Ещё кое-как научились говорить... И запомни мои слова! Они вырастут и ещё придут сюда! Константинополь-то город богатый. Насмотрелись здесь всего, а взять невозможно!.. Соберут орду и пойдут грабить византийские города!.. Ну ладно, что-то я разболтался!.. Пока! – махнул рукой Анастасий ему и скрылся во дворце.

В один из обычных дней Юстин заступил, как всегда, с напарником на свой пост у входного дворцового портика.

Время на посту, на дежурстве, обычно проходит скучно и тянется долго.

Но вот появилась та самая компания остготов-подростков со своим принцем-заводилой. Они возвращались из города... И, по виду, были навеселе.

– Ещё молокососы, а туда же – пьют и грабят, – тихо пробурчал напарник Юстина.

Это был здоровяк откуда-то из Фракии.

И когда подвыпившая компания натолкнулась на него, стоявшего у них на пути, то он и не подумал уступать им дорогу... Подростки же, наткнувшись на него, откатились

назад... Оскорблённые, что кто-то посмел не пускать их во дворец, они обозлились и двинулись на него все разом... Но и на этот раз тот сумел удержать их, не пропустил в двери дворца.

– Ха! – только вскрикнул здоровяк.

И тут случилось что-то непредвиденное... Он стал заваливаться на бок, словно обессилел. И медленно осел на пол, привалившись к стенке... В боку у него торчал нож, всаженный в него по самую рукоятку.

Компания растерялась, увидев этого здоровяка в неуклюжей позе и, похоже, убитого вот только что.

Растерялся и Юстин. Такое произошло впервые с ним на посту. И он не знал, как реагировать... На поясе у него висел меч, в руке он держал щит, но он чувствовал себя неуверенно, так как против него стояла кучка остготов, на первый взгляд абсолютно безоружная, трогать которую, со слов Анастасия, было нельзя...

Юстин приставил ко рту рожок, висевший у него на груди, и протрубил в него три раза.

Через минуту тут были уже схоларии и экскувиты-гвардейцы.

Увидев убитого гвардейца, группу юных хулиганов-остготов, они мгновенно окружили их, обыскали... Но ничего не нашли, даже намёка, где же мог быть спрятан этот злополучный нож.

Комит экскувитов сразу же сменил Юстина на посту. Ком-

панию арестовали и под конвоем увели в палату схолариев.

Уходя с поста, Юстин мельком заметил злорадную усмешку на лице того подростка-принца, Теодориха...

Об этом случае Юстин рассказал Анастасию. Тот уже знал, что следствие так ничего и не дозналось, кто же всадил нож несчастному там, на посту.

– Прошло раз – пройдёт и ещё, – уверенно заключил Анастасий, догадываясь, что это дело рук юного Теодориха.

Остготы-юнцы вместе со своим юным принцем Теодорихом жили ещё два года во дворце. И часто Юстину приходилось наблюдать за ним, за Теодорихом. Хотя и издали, так как его обязанностью было не ловить преступников, а охранять дворец от непрошенных гостей.

Память о том происшествии постепенно сгладилась. И теперь они только переглядывались, если случайно где-нибудь встречались... И он, Юстин, всегда видел на лице принца усмешку.

«Встанешь на пути – тоже будет!» – как будто говорила усмешка принца, сама по себе дружелюбная, располагающая к доверию.

Потом эта компания юных остготов внезапно исчезла из дворца и города.

– Император отпустил Теодориха домой к отцу Теодемиру в Сирмий²³, в его ставку! Раньше его ставка была на озере

²³ Сирмий – город на р. Сава, совр. Сремска-Митровица. Сава – правый приток Дуная.

Балатон, в крепости Фенекпуста! – сообщил на одной из их встреч Анастасий. – Теодориху исполнилось восемнадцать лет, а по договору с этого времени он должен быть свободен. Лев отпустил его с щедрыми дарами...

Он широко улыбнулся и тихо рассмеялся от каких-то своих мыслей.

– Но это не конец истории с ним и остготами, а только начало!.. Если бы тебе показали пещеру с золотом и драгоценными камнями и ты бы знал, где она... Неужели у тебя не появилась бы мысль вернуться в неё и забрать всё?

Не дожидаясь ответа Юстина, он ухмыльнулся и пошёл по своим делам где-то во дворце.

Юстин же смотрел вслед ему с восхищением. Только что он слышал о нём сплетню, что епископ Евфимий выгнал из церкви Святой Ирины вот его, Анастасия, когда тот стал нахально грубить ему, говорил, что в Христе только одна Божественная природа... Епископ, не в силах возразить ему что-нибудь веское, обозвал его монофизитом²⁴, еретиком, накинулся на него со своими слабыми кулачками, опрокинул стульчик, на котором тот сидел, и, наконец, выгнал из церкви... Грозился, что острижёт ему волосы на голове, чтобы посрамить его.

Юстин был в восхищении от своего кумира, Анастасия.

²⁴ Монофизиты – сторонники христианского учения, возникшего в Византии в V в. как реакция на несторианство; трактовали соединение двух природ во Христе как поглощение человеческого начала Божественным.

Один раз они, Анастасий и Юстин, встретились как бы случайно во дворце у Лавзиака²⁵. Поздоровавшись, они неторопливым шагом двинулись через Лавзиака к южной части ипподрома. Этим путём ежедневно входили и выходили с территории дворца сановники, следовал нередко и василевс в сопровождении чинов... И заподозрить, что Анастасий и Юстин нарочно встретились, было затруднительно... Негромко переговариваясь, они двинулись обычным для всех путём.

Произошло это уже после смерти императора Льва, который умер третьего февраля 474 года, а затем смерти и его малолетнего внука, тоже Льва. Малолетний император объявил своего отца, патриция Зенона, соправителем и через десять месяцев тоже умер. Зенон остался один на императорском троне.

К тому времени Юстин успел прослужить при дворе всего немногим более двух лет. И вот на тебе...

И он сразу же понял, что встреча с Анастасием была не случайна.

С Босфора дул прохладный ветер, напоминая, что всё ещё зима, хотя и на исходе.

²⁵ Лавзиака – проходная приёмная зала.

– Держись в стороне от Зенона, – сразу же вполголоса начал Анастасий. – Он настолько труслив, что боится войны даже на картинке. Покупает мир за деньги...

Он зашагал с ним рядом, сделав вид, как будто они встретились случайно, им было по пути и от нечего делать они болтают о пустяках.

– Плохо кончит!.. И в этом ему поможет Верина... Она уже готовит ему замену... Лонгин не прошёл! Слишком простеньким оказался...

Юстин понял, что он имеет в виду младшего брата Зенона. И его слегка передёрнуло: не то от холода, не то от волнения.

Анастасий же знал, какая очередь выстроилась за «шапкой» василевса, и ожидал, ожидал, когда они пожрут один другого... Это же, ожидать, он советовал и Юстину.

– Ждать! – резко высказался он на вопрос Юстина, что делать. – Ждать и ещё раз ждать!.. Они осточертят всем в Константинополе...

Юстин, подумав, нашёл, что в этой ситуации сейчас сама осторожность убережёт того, кто не полезет вперёд.

– Ариадна же просто запуталась... Слабая женщина, – с сочувствием высказался Анастасий. – У тебя есть наложница? – вдруг спросил он своего нового охранника.

Юстин несколько задержался с ответом, не понимая, зачем это нужно вот ему, силенциарию, любовнику самой императрицы... Затем он, опасаясь, что наживёт себе врага, и

могущественного, если не примет руку дружбы, которую тот этим протягивал ему, признался, что пока здесь, при дворе, не до того было. Хотя, что кривить-то душой, у него всего-то была одна девушка, которая осталась там, на родине.

– Сходи на рынок, купи, – посоветовал Анастасий. – Там продают рабынь, в основном – варварок!.. Но ничего, попадаются привлекательные...

Пожелав удачи и сохранить себя в это тёмное время, они разошлись каждый заниматься своими делами. И наблюдать, наблюдать то, что творится во дворце.

Юстин так и сделал, как советовал Анастасий. На рынке он походил, присматривая девиц, остановился у одной из них, мулатки, похоже, откуда-то из Африки... Шоколадного цвета кожа, чёрные глаза, глубокие, только сверкают белки. Тонкий прямой изящный нос, полные губы, страстные, сексуальный стан...

– Как тебя зовут? – спросил он её, не обращая внимания на её хозяина, продавца, старого еврея с реденькой бородёнкой.

– Лупицина, – ответила та.

– Откуда ты, милашка? – развязно продолжил он.

Та рассказала, что она родом из Туниса. Её продали вот этому торговцу, еврею, её же родители, которым нечем было кормить своих остальных детей, ещё малышей...

Юстина тронул рассказ несчастной. Поторговавшись с ев-

реем, он сбил цену с восьми до шести номисм²⁶, купил её.

Он отвёл её к себе в дом, который снимал у одного грека. Тому греку он платил за постой. Так тот, неблагодарный, ещё куражится, надоедает разговорами о своих предках, греках времён Гомера... Живёт нищим, а говорит о великих греках...

Он собрал на стол то, что у него было съестного, сходил в чуланчик, принёс кувшин вина.

– Садись! – сказал он Лупicine. – Ешь!..

Девушка не стала дожидаться второго приглашения. Она жадно набросилась на еду.

Было заметно, что тот еврей, её хозяин, держал её впроголодь, экономя на еде.

Она съела всё, что он поставил перед ней.

Тогда он налил вина в пиалу и протянул ей: «Пей!»

Она выпила. Он снова налил вина... Она снова выпила.

– А теперь ложись и спи, – велел он ей. – Я ухожу на службу... Когда проснёшься, захочешь есть, сходи в чулан, там найдёшь всё что нужно.

Он ушёл во дворец: подходило время дежурить ему на карауле.

Со службы он вернулся поздно, было уже темно. Он зажёт плошку с маслом.

Лупicina спала на том же самом лежаке, на который он, уходя, показал ей. Было похоже, что она так и не просыпа-

²⁶ Номисма – золотая монета весом 4,54 г.

лась с того самого момента, когда он оставил её одну. Она, ослабленная от недоедания и, видимо, изнурительной работы, теперь во сне набирала силу для того, чтобы жить.

Он тепло усмехнулся, довольный, что у него есть теперь о ком заботиться. Не раздеваясь, он улёгся на соседний лежак и вскоре уже спал, умиротворённый от этого проделанного благого дела.

И он стал жить с этой женщиной со странным именем Лупицина. Она, став его рабыней, варварка по происхождению, была безграмотной, как и он, не отличалась никакими достоинствами, так и осталась несведущей в государственных делах и о том, что творится во дворце.

* * *

Как-то раз Юстин обычно стоял с напарником у дверей в одной из внутренних палат.

Подошёл Анастасий и обратился к нему как уже к своему слуге:

– Тут должен подойти скульптор Скимм! Ты проводи его до дворцовых палат. Его вызвал Зенон для супруги, Ариадны! Она же хочет заказать своё скульптурное изображение!.. Так ты проводи его до её палат, передай там евноху Евксену... И возвращайся на свой пост. Затем, когда сеанс позирования закончится, тебя позовут туда же. Ты примешь того скульптора и проводишь до выхода из дворца!.. Он, скульп-

птор, будет приходить несколько раз, пока не закончит работу!.. Разговаривать с ним тебе нельзя... Всё понял? – спросил Анастасий.

Юстин кивнул головой.

На следующий день явился малый к входному портику дворца, представился охране как художник Скимм... Заморенный какой-то, весь в трудах и думах об искусстве: впалая грудь, худое лицо, большие темные глаза со странным блеском.

– Тебя приказали проводить во дворец! – сказал Юстин ему. – Следуй за мной!..

Затем, во второй половине дня, он проводил, как ему велели, этого художника до выхода из дворца.

Через месяц художник закончил свою работу и больше не появлялся во дворце.

Юстину же чертовски хотелось посмотреть, хоть одним глазком, на изображение императрицы, на работу того мастера, но так и не удалось. Изображение хранилось где-то в недоступном месте для простых смертных.

* * *

Жизнь во дворце текла то мерно, без событий и происшествий, то вдруг куда-то мчалась, к неизвестной цели, как лошадь на ипподроме.

Вот и ещё очередной такой же случай выпал на долю Юс-

тина. В один из январских дней он стоял, как обычно, на посту у дверей, за которыми начинались императорские комнаты и там же находилась половина дворца императриц.

Дверь, у которой он стоял с напарником, открылась, и к ним вышла пожилая дама в фиолетовом платье, знак принадлежности к императорскому семейству.

– А ну-ка, подойди сюда! – поманила она пальцем Юстина.

Он подошёл к ней, вытянулся перед ней, догадавшись, что это Верина, мать Ариадны.

– На, вот возьми записку и отнеси её на ипподром! Там отдашь лично в руки императору Зенону! – протянула она ему пергамент, сложенный в виде конверта. – Если он захочет ответить на неё, принесёшь ответ сюда же, к этой двери! Подашь знак через евнуха, я пошлю своего человека к тебе за ответом Зенона!.. Иди исполняй! Ты смышлёный, как говорит Ариадна! Да и Анастасий о тебе хорошего мнения!

Она повернулась и скрылась в женских комнатах дворца.

Юстин же крикнул напарнику:

– Стой и дежурь! Я на ипподром! Вскоре вернусь!

Подхватив рукой меч, чтобы он не стучал по ногам, он скорым шагом направился через портик на ипподром.

Там как раз проходили гонки колесниц. И Зенон обычно открывал гонки, наблюдал за ними и судил победителей.

Юстин вручил ему записку.

Прочитав записку Верины, Зенон побледнел, затем черк-

нул что-то на куске пергамента, сунул его Юстину:

– Беги передай Верине!

И Юстин таким же скорым шагом вскоре оказался на своём посту. Там к нему тут же пришёл из женских палат евнух и взял записку Зенона.

Вечером Юстин узнал, что в этот же день Зенон исчез из дворца. Он бежал из столицы. Ночью он переехал с женой и матерью через Босфор, в Халкидон. Выждав там какое-то время, он затем уехал со своей свитой на лошадях к себе на родину, в Исаврию. Вскоре за ним последовала и Ариадна.

К этому времени стало известно, что это всё интриги Верины, которая хочет посадить на трон, вместо ненавистного ей зятя, своего любовника, Патриция.

Как-то после этих событий Юстин случайно столкнулся с Анастасием на одном из переходов между комнатами дворца.

– Ты уже много знаешь, – начал Анастасий. – Но не всё!.. Верина хотела сместить Зенона, а на его место посадить Патриция, сына Аспара! Того знаменитого алана Аспара, варвара, который держал со своей наёмной дружиной, из аланов и готов, в страхе весь Константинополь! Он же посадил на трон и Льва! А тот впоследствии удружил ему: заманил во дворец к себе вместе с его сыновьями и убил! Спасся только Патриций, бежал в Александрию! Это было за три года до того, как ты пришёл сюда со своими братьями!.. Так вот, план Верины провалился: тут подсуетился её брат, Ва-

силиск! Он нашёл поддержку в среде патрициев, заручился помощью твоего старого знакомого, принца Теодориха, и когда подошёл с войском к городу, то вот только что, на Евдоме, его провозгласили обычным порядком императором!.. Так что будь осторожнее! У нас новый император! Но это ненадолго! – язвительно усмехнулся он.

Он махнул ему на прощание рукой и ушёл по своим делам куда-то в палаты дворца.

Анастасий оказался прав: новый император не усидел на троне и года. Но даже Анастасий не мог предугадать, что начнётся чехарда ещё из троих самозванцев-императоров, просидевших недолго на троне, и снова вернётся в столицу Зенон. К тому времени Верину постригут и упрячут в монастырь.

Глава 3. Поход Теодориха в Италию

Анастасий, как обычно, проходя через портик, где дежурил Юстин, задерживался на минуту, если появлялись какие-нибудь важные новости, чтобы сообщить их.

И на этот раз он буркнул ему что-то... Затем, уже громче, повторил: «Зенон вернулся на трон!»

Он остановился рядом с Юстином: «Немного позже расскажу, что произошло в Риме-то!»

Но Юстин и сам знал, что Зенон вернулся на трон. Он уже видел его с утра во дворце, когда заступал на дежурство.

– Будут новости, сообщу. А они будут самые горячие... Вот увидишь, – бросил Анастасий ему, прошёл мимо него.

На обратном пути из дворца, когда Юстин ещё стоял у портика на карауле, Анастасий задержался около него.

– В Риме низложен малолетний император Ромул-Августул!.. Его увезли на юг Италии, под Неаполь, и там караулят на какой-то вилле. Всю власть в Западной Римской империи захватил варвар – скир²⁷ Одоакр! Германские наёмники возвели его в короли по варварскому обычаю!.. К Зенону же пришло от римского сената посольство с предложением упразднить пост императора в Риме!.. И они же просят дать

²⁷ Скир – одно из германских племён.

Одоакру звание патриция и поставить его управлять Италией... Посмотрим, что решит наш сенат!.. – прощаясь, сказал он и вышел через портик из дворца, направившись куда-то в сторону ипподрома.

Здесь же, в Константинополе, дела во властных структурах разворачивались неблагоприятно для Зенона. И всё с теми же готами, живущими в империи на правах федератов.

Зенон отстранил в первую очередь от власти тех, кто встал на сторону мятежника Василиска, брата Верины. Других же он просто лишил званий, которые они имели. Теодориха Страбона, сына Триария (Косого), он лишил звания магистра²⁸ армии и возвёл в это звание Теодориха, сына Теодемира.

– Твой Теодорих теперь магистр армии! – стал рассказывать Анастасий последние сплетни Юстину, стоявшему на посту, задержавшись около него при входе во дворец. – Его сестра Амалафрида стала комнатной дамой Ариадны! К тому же Зенон предложил Теодориху в жены Юлиану, дочь скончавшегося четыре года назад западноримского императора Флавия Олибрия! И похоже, Амалафрида подружилась с Юлианой. Ты можешь видеть их иногда вместе. Амалафрида-то старше Теодориха! Уже была замужем! Есть даже, кажется, сын! Но она им не занимается, как и все женщины в высшем свете! Кто-то воспитывает из придворных!.. Что будет-то?..

²⁸ Магистр – начальник, главнокомандующий, должностное лицо.

Пробурчав последние слова, он пошёл дальше.

В этот день собралось заседание сената, созванное Зеноном. И Анастасий спешил на него.

Перед началом заседания Зенон перечислил преступления Страбона.

Затем сенаторы набросились с обвинениями в адрес Страбона.

В конце их препирательств выступил комит, ведавший государственной казной.

– Господа сенаторы, казна пуста: платить можем только одному Теодориху! – окончательно подвёл он черту под их спорами. – Выбирайте – какому!..

– Завтра же созываем войсковых архонтов²⁹, экскувитов и спросим их мнение! – заключил Зенон. – Откажут отступнику – пошлём отказ!..

На следующий день только было заикнулся казначей об этом прошении Страбона, как поднялся шум среди легионеров. Экскувиты Юстина и сам он застучали неистово мечами о щиты, производя невероятный гул, давая этим знать, что это полный отказ Страбону.

– Он собирает армию, рекрутирует наёмников!.. Его армия растёт! – выкрикнул кто-то из рядов гвардейцев Юстина.

Об этом во дворце знали. И тот же Зенон с тревогой вос-

²⁹ Архонт – букв. «начальник»; общее название высоких должностных лиц, как гражданских, так и военных.

принимал малейшие известия и слухи о войске Страбона.

Страбон же не соглашался ни на какие условия, требовал всё то же: вернуть ему звание магистра армии и выплатить жалованье войску, грозился перейти к военным действиям.

– У меня армия, и я должен вести войну, чтобы прокормить своих людей! – приходили ответы от него с гонцами...

И Зенон, видя нарастающую угрозу войны со Страбоном, отправил с письмом сенатора к Теодориху, сыну Теодемира, в Марцианополь³⁰, где тот стоял со своими главными силами.

Марцианополь, город в Мезии, оказался хорошо укреплён, как отметил сенатор. Сам же Теодорих жил в деревянном рубленом домике, скромного размера и обстановки внутри, характерном для готов из северных земель.

– Тебе, как нашему магистру армии, я приказываю выступить против Страбона! – стал зачитывать сенатор письмо Зенона Теодориху...

В избе оказались военачальники армии Теодориха, его друзья юности, Гурила, Белеульф и оруженосец Тэвдис. Услышав это требование императора, они насторожились.

Теодорих же заходил по избе, собираясь с мыслями, чтобы ответить обоснованно сенатору.

– Хорошо, мы выступим против Страбона! – подумав, сказал он. – Но я выдвигаю встречное условие!..

Он снова помолчал.

³⁰ Маркианополь – город, основанный Траяном и названный по имени его сестры Марции. Его локализуют возле нынешнего Правади.

– Моё условие: чтобы при любых ситуациях власти Константинополя не шли на сделку со Страбоном!.. И в этом дали клятву в договоре! Это моё единственное условие, и я не отступлю от него!..

С этим условием сенатор вернулся в Константинополь. А там сенаторы оформили договор и скрепили его клятвой.

– Клянусь твёрдо стоять на условиях договора! – искренне заверил это и Зенон там же, на совете сенаторов.

Он хорошо понимал, что ему не на кого было опереться.

Собрался он также сам возглавить армию ромеев для поддержки Теодориха.

Слухи о распрях между самими готами и между готами с Зеноном будоражили весь двор.

И Анастасий делился ими с Юстином. Порой же он негодовал, не в силах сдержаться, когда узнавал то, что делает Зенон.

– Зенон всех закрутил и всё смешал! – не сдержался он на очередной их встрече. – То грозился сам выйти с армией в поход против Страбона... А когда твой Теодорих-то, выступив из Маркианополя, перешёл Балканы и столкнулся со Страбоном, то произошло сражение между готами... Их же солдаты взбунтовались из-за того, что в угоду ромеям готы убивают готов... И оба Теодориха съехались на противоположных берегах какой-то речки, заключили мирное соглашение... За это Зенон обвинил твоего Теодориха в измене слову, но всё равно обольщал деньгами... Но тот и другой

Теодорихи стояли на своём: один требовал восстановить его в звании магистра армии, другой же, твой Теодорих, требовал денег и новых мест для поселения, где бы его армия могла кормиться.

– Ну и чем закончилось дело? – спросил Юстин, когда Анастасий замолчал.

– Хуже некуда!.. Зенон снова сдурил: лишил твоего Теодориха звания магистра армии и объявил врагом империи!..

Юстин, уже зная характер бывшего принца-заложника, не сомневался, что тот начнёт грабить провинции, города империи.

И Анастасий подтвердил это.

Больше у Анастасия не было новостей, и он ушёл.

В следующем году Страбон, неосторожно спрыгивая с коня у себя в лагере, напоролся на чьё-то копьё, серьёзно ранил себя и вскоре умер. Теодорих же, сын Теодемира, ушёл из Эпира в Македонию, затем в Фессалию, грабил города, снова поставил Зенона в затруднительное положение. Поэтому Зенон послал к нему сенатора и предложил, что в обмен на прекращение военных действий он вернёт ему звание магистра армии, а для его остготов выделил на поселение Побережную Дакию и Нижнюю Мезию. Обещал он, что на следующий год назначит его консулом³¹.

³¹ Консулы (*лат. consules*) – верховные магистраты Древнего Рима.

Анастасий оказался прав. Теодорих появился в Константинополе снова.

– Зенон назначил его в этом году консулом! – встретил Анастасий Юстина, довольный, что его предсказание сбылось. – Поставил ему конную статую...

Теодорих, как консул, обосновался в столице. При нём было несколько тысяч вооружённых остготов, настроенных весьма воинственно, его охранников.

– Ты уже не надеешься на старика Тэвдиса! Зачем набрал столько дармоедов? – ворчал каждый день старый оруженосец, верный спутник Теодориха...

Юстин же почти каждый день видел нового консула в столице. Появился тот и при дворе.

И снова, как и в прошлом, они, если случайно встречались, перекидывались взглядами и шли дальше по своим делам.

Но Теодорих остался прежним. Нашумела его новая история... Рекитах, его дальний родственник, сын Страбона, став царём над готами покойного отца, тоже оказался в этот год в Константинополе. Его принимали во дворце, оказывали ему знаки почтения... Однажды он направлялся, как обычно, во дворец, на званый обед. И его по дороге встретил Теодорих. Меч Теодориха вошёл ему в бок... Произошло это непод-

лёку от дворца, где в это время на входе во дворец, на карауле у портика, как обычно, стоял Юстин...

Юстин только покачал головой от таких новостей.

Этот год, год консульства Теодориха, показался ему долгим.

В это время Юстин получил весточку из дома, что его сестру Бигленицу сосватал Савватий, как и обещал. Та стала его супругой, и у них уже родился сын, назвали Флавием, а затем и дочь Вигилянция. С этой весточкой он сразу же направился к братьям, в их когорту возле Евдома.

«Неужели прошло уже десять лет?» – озадаченно подумал он по дороге на Евдом, как быстро бежит время.

Когда он сообщил братьям об этом, те пришли в восторг. – У нас племянник и племянница! – вскричали они.

Когда восторг от этого известия немного поутих, они поклялись, что помогут своему племяннику, Флавию, вырваться из жизни на крестьянском поле. А какая жизнь ждёт того, если он останется там, на их родине, в их селении, в Дардании, они знали.

* * *

В Италии тем временем разгорелась война между ругами³² и германцами Одоакра.

³² Руги, вандалы, герулы – германские племена.

Король ругов Фридрих выступил против Одоакра, но был разбит и бежал к Теодориху в его резиденцию, крепость Новы.

И там у Теодориха и Фридриха завязались дружеские отношения. Они часто беседовали за вином в уютной избушке Теодориха, обсуждая положение готских и германских племён здесь, на Балканах, вандалов в Африке, вестготов в Галлии и Испании. И приходили к мысли о том, что Одоакр разумно поступил, когда позволил в Италии своим солдатам забрать треть земли у местных жителей в свою пользу, а не влачить жалкое существование как наёмников на окладах императора, вымаливая себе повышение в виде крох, когда можно было просто обогатиться вот так, отняв землю.

Эта мысль крепко засела в голове у Теодориха, не давала покоя. Земли же здесь, на Балканах, в империи, были разорены ими самими же, готами... И он решился идти в Италию, на что подталкивал его и король Фридрих, готовый со своими ругами пойти с ним, сообщив ему, что там ещё много земли, которую могут получить остготы, его остготы, Теодориха.

И он вступил в переписку по этому делу с императором, как магистр византийской армии. Зенон не стал возражать против этого его похода в Италию.

«Если сломаешь Одоакра – вся власть в Италии твоя!» – получил он послание в напутствие от Зенона.

– Теодорих ушёл со своими готами в Италию! – сообщил

как-то мимоходом Анастасий Юстину. – И уже, наверное, не вернётся сюда!.. Он забрал свою мать и сестру Амалафриду! Зенон отдал её!.. Так что ты больше не встретишь его! Радуйся!..

Он же сам радовался. Вот исчез, и исчез навсегда, опасный противник. Зенон, тот много пьёт, совсем одряхлел и, по всему было заметно, доживает последние свои дни.

Через два года дошли слухи о Теодорихе: что у него произошли две битвы с Одоакром, из которых он вышел победителем.

* * *

На третью битву обе армии сошлись вблизи Вероны.

К Вероне Теодорих подходил с юга. Вдали же, на севере, пока его армия подходила к месту сражения, голубоватой полоской на горизонте тянулись предгорья Альп, словно манили к себе волшебным зовом больших просторов... Армия шла по плоскогорью, которое перед самым городом заканчивалось глубоким обрывом, открывающим довольно узкую долину реки Атесис и внизу её стремительные мутные воды. А там, в узкой долине, из которой всегда тянет свежим ветерком, лежал город Верона.

Хотя ни сама долина, ни город не были видны с плато. Там же, на краю плато, стояла армия Одоакра, построившись боевым порядком навстречу подходившей армии остготов. На

краях её фронтов замаячили разъезды, следя за тем, чтобы противник не зашёл с тыла.

Теодорих остановил свою армию. Затем, тронув с места коня, он выехал впереди своих конников, выстроившихся фронтом в два ряда для битвы. Рядом с ним были его два командующих, его боевые друзья, Белеульф и Питца. В доспехах, в одной руке он держал меч, в другой руке у него был щит, за поясом нож, к седлу пристёгнута булава... Позади же конницы он выстроил пеших остготов с длинными, выше роста человека, копьями во главе с надёжным командующим Иббом: у каждого из них был щит, на поясе меч, на плечах шкуры из лосиной кожи и такие же штаны, крепкие и удобные в бою. На голове у каждого меховые, тоже из лосиной кожи, остроконечные шапки, из-под которых сверкали их глаза, как у зверей...

Теодорих выкрикнул охрипшим голосом несколько призывов к своим воинам, поднял вверх меч... Запели угрожающе боевые трубы... И он двинул свою конницу на цепочку выстроившихся перед ними неприятелей.

Вслед за ним, позади, полетел по рядам его воинов клич: «А-а!.. А-а!»

– Водан!.. Водан! – вскричали пешие остготы одновременно, призывая своего бога войны на помощь... И, выставив вперёд копья, они двинулись мерным шагом вслед за конницей.

Битва началась... Гром и лязг железа, воинственные кри-

ки воинов и стоны раненых наполнили долину Вероны, как будто они скатывались туда с плоскогорья.

Германцы Одоакра, всё ещё подавленные прошлым поражением, легко подались назад под натиском конницы Теодориха. А когда в дело вступили пешие остготы и прорвали их ряды, то германцы стали беспорядочно отступать... Конница же Теодориха бросилась преследовать их.

Остатки войска Одоакра быстро покатались к Равенне, и, несмотря на преследование конницы Теодориха, им удалось благополучно дойти до Равенны и укрыться за её крепостными стенами.

* * *

На следующий день Теодорих объехал со своими командирами, Гурилой и Аригерном, вокруг Равенны. Её стены, высота и толщина, не оставляли надежды на то, что её можно будет взять штурмом. Да и брать города штурмом остготы ещё не научились... Осмотрели они крепость и со стороны моря.

– Оттуда вообще невозможно подступиться к городу! Посмотрите на Ионийский залив! – заворчал позади них громадина оруженосец Тэвдис, понукая свою лошадку, которая еле носила его, и её приходилось постоянно подстёгивать.

В этом месте река По течёт по плоской равнине до самого Ионийского залива, на берегу которого стоит Равенна. Раз в

день вода прилива поднимается по этой низменной равнине, заливают её на десятки вёрст, соединяется с огромными болотами западнее и севернее Равенны, город становится отрезанным от суши и недоступен для конного и пешего войска. Но в это же время, пользуясь этим приливом, в город проходят суда с грузом, зная русло реки По. Разгрузившись там, они ждут следующего прилива и возвращаются в море...

Теодорих вернулся с военачальниками в свой лагерь, собрал военный совет.

– Придётся брать измором, голодом! – первым высказался он.

– Это затянет войну надолго, – пробурчал ворчун Ибба. Добродушный от природы, он старался не усложнять жизнь, если в этом не было необходимости, и чаще выжидал удобный момент в сражениях или осадах.

– А что ты предлагаешь? – спросил его Гурила. Ибба только проворчал:

– Это я и предлагаю!..

Так и получилось. Осада затянулась. В лагерях Теодориха появилось много недовольных, голодающих, часто вспыхивали мятежи. Наконец, Теодорих захватил несколько кораблей, подвозивших из Афимина в Равенну продовольствие, блокировал его подвоз.

В Равенне тоже начался голод. Но Одоакр стойко держал своих воинов, убеждал, что если они сдадут крепость, то будут перебиты остготами Теодориха...

Однажды к Теодориху в его ставку, которую он устроил в крохотной итальянской деревушке, пришёл монах из монастыря, что находился в горах, на север от Равенны.

– Этот городок был известен ещё задолго до цезаря Августа, – неторопливо начал рассказывать монах. – Крохотный, затерянный среди болот и речных наносов рек По и Савно... Но уже в то время он находился в союзных отношениях с Римом... В пяти милях от него цезарь Август построил крупный военный порт, в местечке Классис. До 250 кораблей было в нём для охраны Адриатики!.. В период империи город стал военной и морской базой римлян... А когда распалась империя, изменилась и судьба Равенны. В своё время император Гонорий перенёс сюда из Милана свою столицу! А затем пришли германцы!.. И ваш Одоакр!.. А теперь вы!..

Он помолчал, собираясь перейти к главному, с чем явился.

– Я хорошо знаю Равеннского епископа Иоанна, – заявил он. – Ещё молодыми мы разошлись с ним во взглядах, как служить Богу... Он выбрал светскую стезю, церковь, а я путь монашества, ушёл от суетного мира... И я через него смогу донести до патриция Одоакра предложение от вашей милости, что Одоакр и ты, господин король, будете править Италией вместе, заключив соглашение при посредничестве Равеннского епископа...

Теодориху понравилось предложение монаха.

– Хорошо, тебя проводят до крепости и передадут там лю-

дям Одоакра!.. Посмотрим, что из этого выйдет!

У него оставались ещё сомнения. И вечером, чтобы рассеять их, он заглянул в палатку, в которой жила его мать Плацидия и сестра Амалафрида. Он рассказал о монахе, что тот предложил, о своих сомнениях.

– Мы устали жить вот так, в палатках, по-походному, – пожаловалась мать. – Может быть, всё уладит тот монах с епископом, и кончится осада...

Она была уже стара. И такая жизнь, неустроенная, была не по её годам.

Он видел это, понимал. Ему было жалко её и досадно, что он взял её в этот поход, подозревая, какие непредвиденные тяготы ожидают их.

Амалафрида же не стала ни на что жаловаться. Она была воспитана как истинная остготская женщина, отменно владела оружием, сносила тяготы походной жизни, ругалась, как мужчина, и могла постоять в драке за себя...

Он ушёл от них к себе.

Через два дня вернулся монах из крепости. Всё произошло так, как он предлагал.

В церкви Равенны, в присутствии Равеннского епископа и других священников, был заключён договор между Теодорихом и Одоакром, скреплён клятвой безопасности для Одоакра и всех германцев, сидевших в осаде.

Одоакр сдал крепость на договор о безопасности, ворота крепости были открыты, и войска остготов вступили в сто-

лицу государства Одоакра.

Этот договор они, Теодорих и Одоакр, отметили попойкой в этот же день во дворце Равенны, построенном ещё при императоре Диоклетиане. На следующий день как-то само собой случилось, что торжество продолжилось. Затем они загуляли на целую неделю.

И Теодорих с Одоакром клялись в дружбе друг другу до конца жизни.

– Клянусь матерью, я впервые встречаю в жизни такого, как ты, – порядочного короля! – обнимал Одоакр короля остготов в пылу пьяной откровенности. – И вы, мои товарищи по оружию! – закричал он своим германцам. – Тост за короля Теодориха!..

К вечеру он совсем опьянел. И двое его телохранителей подхватили его под руки, отвели в его комнату и уложили там на постель. Выйдя из его комнаты, они встали тут же у дверей на охрану своего командира.

Глубокой ночью к ним тихо подкрались остготы с Теодорихом. В темноте завязалась глухая борьба, почти на ощупь... Один телохранитель Одоакра, падая на пол, вскрикнул... От этого шума Одоакр проснулся, ошалело зашарил вокруг, ища свой меч, ничего не соображая, тупой и пьяный, но остро чувствуя звериным чутьём опасность... В этот момент дверь комнаты распахнулась, и в комнату ворвались люди с факелами, блестело обнажённое оружие...

У Одоакра не было ни малейшего шанса, чтобы защититься-

ся от большой группы остготов во главе с Теодорихом.

Глава 4. Юность Боэция

Если ехать из западной части Рима мимо зелени садов и ещё не тронутых человеком лесов, закрывающих с обеих сторон дорогу, то можно встретить коляску знатного римлянина, сенатора, патриция, а то и самого консула, направляющегося к морю.

До моря было не так уж и далеко: восемнадцать миль по дороге, она то идёт по берегу Тибра, то уходит от него, скрываясь в чаще леса.

Там же, у моря, на берегу изрезанного бухтами, на каждом шагу можно было увидеть роскошные виллы из белого или серого мрамора, с отделкой известняком, привезённым из знаменитых катакомб, что находятся вблизи Аппиевой дороги. Террасы огромных вилл открыты в сторону моря. Их мраморные колонны затянуты плющом, кругом вилл фруктовые сады и дорожки, посыпанные белой щебёнкой, между цветочных клумб из гиацинтов, нарциссов и белых лилий. Фиолетовые глицинии вьются по деревьям и карнизам вилл, придавая причудливое слияние природного с искусственным... Всё это удивляло даже знатных римлян, видевших виды в дальних странах, откуда они обычно возвращались со своими рабами, которые несли награбленные в военных походах ценные трофеи.

А вон ещё одна заметная вилла из белого мрамора: колон-

ны и башенки с зубцами таинственно глядятся в зелени узкой живописной бухты. По всему фасаду виллы ползут ветви плюща, хватаясь щупальцами за малейшие щербинки в мраморе.

От виллы к морю, к пляжу, спускалась широкая мраморная лестница.

При шторме и волнениях на море обычно волны заходят в эту узкую бухту, но затихают перед самой мраморной лестницей. Здесь есть купальни для детей и взрослых. Есть и песчаный пляж: часть бухты покрыта галечником, другая же песком, обычно раскалённым под солнцем к середине знойного летнего дня.

Вилла, а она с первого же взгляда наводит на мысль, что она принадлежит богатому римлянину, огорожена с трёх сторон высокой каменной стеной, с четвёртой же – открыта к морю.

Это вилла сенатора Квинта Аврелия Симмаха, только что возведённого сенатом в префекты города Рима. Хотя вилла огромная и выглядит роскошно, но не особенно отличается от других вилл, расположенных в этом райском уголке Италии.

С утра Квинт Аврелий, отчего-то беспокоясь, не находил себе места в своём рабочем кабинете.

После полудня у ворот виллы слышались призывные трели рожка.

– Приехали! – вскричал сенатор. – Пошли, пошли! – за-

торопил он супругу и своё немногочисленное семейство.

У него, сенатора Квинта Симмаха, было трое сыновей и две дочери. Сыновья уже взрослые, один, старший, уже заседал в сенате. Двое других ещё только заканчивали обучение в школе, выбрав каждый по своему увлечению одно из семи искусств, преподаваемых в школе. Девочки, те ещё учились пока что у домашних учителей. Одной, младшей, Рустициане, не исполнилось ещё и пяти лет, а старшей, Сабине, уже перевалило за десять.

Всё семейство вышло на крыльцо виллы, ведущее к воротам на противоположной морю стороне этой громадной виллы, и выстроилось, как будто для встречи важных гостей. Первым встал сенатор, затем его супруга Елена и дети, по старшинству.

Тем временем слуги открыли высокие дубовые ворота виллы, и на её двор вкатилась коляска с запряжённой в неё гнедой лошадкой, подкатила к крыльцу виллы и остановилась.

Кучер соскочил на землю, придерживая за вожжи лошадку. К коляске подбежали слуги, распахнули у неё дверцу. И из коляски, ступив на землю, вышла сначала знатная дама, судя по её одежде, затем мужчина уже в годах, седой и старый, выйдя из коляски, протянул руку к коляске... И из коляски, опершись на руку старика, спустился мальчик.

Он был худенький, со слегка удлинённым лицом и большими, не по годам умными глазами. Серьёзно, не улыбаясь,

посмотрел он на семейство, которое, как ему сказали, теперь будет и его новой семьёй.

В доме Симмахов уже знали, что ему семь лет, что его отец, консул Флавий Манлий Боэций, недавно умер... И мальчик, единственный в семействе, остался круглым сиротой, поскольку мать его умерла ещё раньше.

Всё семейство Симмахов спустилось с крыльца, подошло и окружило прибывших.

Квинт Аврелий сначала поздоровался с дамой, затем со старичком, а уже затем поздоровался за руку с мальчиком.

– Так вот какой ты, Аниций Боэций!.. Сын Флавия Манлия! – стал разглядывать он мальчика.

Тем временем его семейные поздоровались тоже с гостями, торопясь с чего-то и мешая друг другу. Даже малышка Рустициана, подойдя к мальчику, протянула ему свою ручку.

– Теперь ты будешь жить у нас? – спросила она его, открывая этой детской непосредственностью причину визита сюда гостей.

Мальчик же молчал. Только на лице у него появилось задумчивое выражение, когда он взглянул на виллу, на семейство, на эти остатки тихого, роскошного, мирного и уютного уголка Западной Римской империи.

Старичок оказался дедушкой мальчика, а пожилая дама – его тётушкой. Сдав мальчика на попечение сенатору, они вскоре укатили обратно в Рим.

В семье Симмаха к образованию детей относились серьёз-

но. Это же стало важным делом и для нового члена семейства.

Как-то сразу получилось так, что дети сенатора, которые старше Аниция, предпочли не интересоваться им. Кроме младшей, Рустицианы. Та часто после уроков, которые вёл с ними домашний учитель, спорила с ним о том, о чём только что им рассказывал учитель... И она никак не соглашалась с Аницием, когда он на уроках перечил учителю. Эти споры у них затягивались. И даже когда они гуляли по обширной территории виллы и уходили далеко, то старались в споре переубедить один другого или, по крайней мере, перекричать.

Шло время. Минуло шесть лет, как Аниций поселился на вилле сенатора. Ему уже было тринадцать лет. Подросла и Рустициана, ей уже исполнилось одиннадцать. И она незаметно стала превращаться из девочки в девушку.

* * *

Сенатор Квинт Аврелий Симмах, встречаясь на вилле со старшим сыном, обычно спорил о том, что произошло с Западной Римской империей и кто был в том виноват...

Один раз, в прошлом, у них даже произошёл разлад, когда Одоакр совершил государственный переворот, почти четверть века назад.

Теперь же Италия только что была завоёвана остготским королём Теодорихом.

– Ну вот! – воскликнул Квинт Аврелий. – У нас новый король!.. И всё из варваров! – с горечью прозвучало у него.

– Сенат, сенат же оказался беспомощным! – кричал, доказывая отцу что-то, старший сын его, тоже сенатор. – Кто довёл до такого состояния империю, что у неё исчезла армия!.. Её – римская! Из римлян!.. Сейчас в армии только германцы, вестготы, остготы, вандалы, бургунды, франки, да ещё эти, как их – аланы!.. Римляне же настолько обленились, что не желают даже служить в армии, защищать свою родину!..

Перед ними, когда они задумывались в спорах об этом, разворачивалась потрясающая их истина: угасла слава римского имени...

Их, сенаторов, угнетало то, что сенат превратился при короле Теодорихе в декоративное учреждение: сохранил только своё название и церемонию заседания.

– Как орган политической жизни, тем более государственного управления, он уже не существует! – воскликнул Симмах-младший. – А что мы рассматриваем на заседаниях-то?! Второстепенные дела гражданской жизни Рима: правильное денежное обращение и тому подобное!.. И то это всё под присмотром чиновника короля, графа Аригерна, остгота!

* * *

У Аниция же рано появилась склонность к философским размышлениям и на религиозные темы.

И теперь Рустициана стала как будто отдаляться от него. То, что занимало, интересовало его, оставляло её равнодушной.

– Тебе неинтересно со мной? – с тревогой в голосе спросила она его однажды на прогулке по парку на их вилле.

– Ну что ты, дорогая! – воскликнул он.

– Да, сейчас дорогая, а как начинаешь спорить, обзываешь дурушкой! – со слезами на глазах вырвалось у неё.

Она вытерла слёзы, улыбнулась.

– А я всё равно буду твоей женой! – по-детски, непосредственно завела она всё то же. – Хотя бы и дурушкой!.. Ты никуда не денешься от своей дуручки!..

Со смехом запрыгала она на одной ноге вокруг него, повторяла и дразнила его...

«Какая же она ещё ребёнок!» – мелькнуло у него; взирая с симпатией на неё, только сейчас он заметил, что она уже не та девочка, что шесть лет назад встретила его у порога их виллы.

Свадьбу они, Аниций и его постоянный оппонент в спорах Рустициана, справили через четыре года у себя, на вилле Симмахов. Гостей было немного. Сказалось настроение и ситуация в Риме и в Италии в целом, она стала Остготским королевством.

Рустициане исполнилось пятнадцать лет, возраст, в котором в Риме и Византийской империи выдают девушек за муж.

Боэцию же в том году было семнадцать.

После свадьбы он стал изредка оставаться в доме своего отца, увлечённый занятиями, работой.

Дом покойного патриция Флавия Манлия Боэция находился недалеко от центра Рима, на улице Патрициев. Это был двухэтажный дом, десяток комнат. Верхний этаж жилой – спальни и комнаты для занятий. Внизу кухня, столовая, комнаты прислуги. Над некоторыми постройками нижнего этажа не было верхнего этажа, как у многих других домов богатых римлян. Дом был отгорожен высокой каменной стеной от соседних домов. Небольшой дворик, достаточно зелени, кусты, деревья, цветочные клумбы... Какое-то непонятное сооружение из досок в углу сада.

Комната молодого хозяина, Аниция Боэция, находилась на втором этаже. Там же, рядом с его спальней, была расположена большая библиотека, отделанная мрамором и слоновой костью. Выглядит роскошно. В ней хозяин проводил большую часть своего времени, когда жил в этом доме, а не в доме семейства Симмахов.

В один из дней знойного летнего полудня к дому подкатила коляска, вся в пыли после дальней дороги.

Из коляски вылез малый лет двадцати пяти, чернявый, тоже весь в пыли, усталый, еле держался на ногах.

– Это дом Боэция? – спросил он слугу, торчавшего у ворот дома.

– Да, – ответил тот.

– Проводи меня к хозяину, Аницию Боэцию! – попросил он с хрипотцой пересохшим горлом. – Скажи, к нему прибыл королевский курьер из Равенны!..

Слуга открыл ворота, впустил гостя и прошёл с ним до дома, поднялся на невысокое крыльцо, открыл дверь, зашёл с гостем в переднюю залу.

– Хозяин!.. До вас курьер от короля из Равенны! – крикнул он громко, чтобы было слышно на весь дом.

Прошло несколько секунд тишины. Затем на втором этаже послышались быстрые шаги мягко ступающего человека, и по широкой лестнице спустился со второго этажа Боэций. Он быстро подошёл к курьеру, сунул ему для приветствия руку.

– Аниций Боэций!

Курьер протянул ему конверт, запечатанный королевской печатью.

– От начальника королевской канцелярии Флавия Кассиодора!.. Велено вручить лично!

Он слегка поклонился хозяину дома, попросил воды. Ему принесли воды, он напился, поблагодарил за услугу, повернулся и покинул дом Боэциев.

Аниций, не ожидавший этого визита, некоторое время стоял в растерянности. Затем он быстро вскрыл конверт и прочитал послание. От того, что он прочитал, он буквально подскочил от восторга на месте, затем кинулся по лестнице на второй этаж. Оттуда он скатился уже одетый по-дорожно-

му, бережно прижимая к груди драгоценный конверт.

Вскоре он уже был в доме Симмахов, который находился неподалёку, на этой же улице Патрициев. Там, когда он зачитал всем это послание, поднялся такой крик, что сначала даже непонятно было, из-за чего кричат.

Затем, когда все немного успокоились, послание перечитали ещё раз. В нём король Теодорих просил Боэция, которого рекомендовали ему как знатока музыкальной эстетики, подобрать, на своё усмотрение, хорошего кифариста с тем, чтобы послать его ко двору дружественного короля франков Хлодвига.

Первой пришла в себя Рустициана. Она подскочила к Аницию, поцеловала его.

– Какой же ты у меня умница и умелец! Раз сам король обращается к тебе с просьбой!.. Пстой, пстой! А разве ты знаешь, кто хорошо играет на кифаре?³³ – округлила она от испуга свои прелестные глаза.

– А как же! Не зря же я занимался музыкальной эстетикой последние годы!..

Рустициана облегчённо рассмеялась и, уже не стесняясь никого из присутствующих, стала целовать его.

Это поручение короля Теодориха вскоре Боэций выполнил. И он проводил кифариста сначала в Равенну, оттуда уже к королю Хлодвигу, в столицу франков Тур.

В середине июня следующего, 505 года Симмах и Боэций

³³ Кифара – струнный щипковый музыкальный инструмент древних греков.

приехали на виллу из Рима, с заседания сената. Лица у них светились от возбуждения.

Собралась вся семья.

Симмах призвал всех к вниманию.

– Сегодня на заседании сената было вынесено прошение о наделение вот его, – показал он на Аниция, – званием сенатора! – произнёс с пафосом, как будто это было на самом заседании сената. – Поздравим же нашего нового сенатора!..

Он обернулся в сторону Рустицианы.

– А где эти шалопаи? Где ваши дети: Симмах и Боэций?

– Падре, но они же ещё дети, любят гулять и где-нибудь балуются в саду! – с укором посмотрела Рустициана на отца.

– Их отца мы собираемся чествовать, а они где-то шлются, – смягчил свой тон Симмах под строгим взглядом дочери.

Но всё равно, как глава сената, он любил порядок и приказал слугам:

– Найдите их!.. И тащите немедля сюда!..

Старшего сына самого Симмаха задержали дела где-то в Риме. И они не стали его ждать в такой день.

После торжественного застолья Аниций и Рустициана пошли гулять с детьми по саду.

Они вспоминали детство, юность, шалости...

– Помнишь вот этот дуб? – показала Рустициана на дуб, когда они забрели в самый дальний и тёмный, мало ухоженный угол сада, где стоял тот дуб.

Дуб этот был старым уже в пору их детства. Но нисколько, казалось, не изменился с тех пор. Они же давно повзрослели и уже стали даже чувствовать тяжесть своих лет, а он всё такой же, как и тогда.

– Да! – ответил он, привлёк её к себе, обнял.

Дети, Боэций и Симмах, ухватились своими ручонками за них, засмеялись чему-то, видя, что родители чем-то взволнованы, радостно улыбаются... И эта радость передалась им.

Здесь, у этого дуба, в этом тёмном и тогда углу сада, он признался в любви Рустициане, как казалось ему тогда, ещё малышке пятнадцати лет. И здесь они впервые скрепили свой союз навсегда поцелуем.

И сейчас Рустициана шутя чмокнула его в щёку.

– Это за верность, сенатор, и за успехи! – рассмеялась она, счастливыми влюблёнными глазами глядя на него. Особенный блеск их выдавал, что она сейчас, в эту минуту, наполнена страстью...

Он знал эти глаза, где порой был холод мыслей, когда она занималась вместе с ним философией или другими науками. А то вот так, когда прорывалась накопившаяся страсть, всё иное тут же отступало, и она была готова любить, забыться в страсти. Как бывало раньше под этим дубом, в тени его могучих ветвей... Но сейчас с ними были их дети. И огонь в её глазах быстро погас.

Они пошли в ещё одно своё особенное место, где любили оставаться вдвоём. Это была скала, которой заканчивалась

их узкая длинная бухта. С этой скалы открывался потрясающий вид на морскую даль. Там приятно было сидеть и созерцать бесконечность и широту моря, которое всегда волновало и вызывало тоску о чём-то несбыточном в их скоротечной жизни, порой мелкой и даже мелочной. Оно, море, казалось вечным в своей громаде и мощи, вызывало трепет от одной только мысли о его неизведанных бесконечных глубинах.

Туда, на скалу, вела протоптанная тропинка. За много лет ещё до них кто-то ходил туда и, похоже, за теми же ощущениями. Там была неказистая скамеечка, сделанная кем-то ещё до них и сохранившаяся до сих пор.

В этот раз они пришли туда впервые семьёй, с детьми.

Возвращаясь с той скалы, Аниций заметил, что вид простора моря с этой скалы что-то произвёл с их детьми. Они не баловались, как там, в саду, впервые молчали, переживая увиденное, притихли на скале.

* * *

Как-то так получилось само собой, что около Боэция стал группироваться узкий круг лиц, которым тоже было интересно, чем он занимался. Приходил к нему тесть Симмах почти каждый вечер побеседовать, узнать, что он уже сделал в набросках своих мыслей. Изредка появлялся архиепископ Иоанн, когда дело касалось обсуждения теологических трактатов, над чем трудился Боэций... И никто из них тогда не

знал, что он станет папой римским после Гормизда... Он выслушивал то, что ему зачитывал Боэций. Затем уже цеплялся к каждому его предложению и слову. Особенно это касалось догматических споров соотношения веры и разума.

– Абсолютное превосходство веры над разумом! – ссылаясь он на Августина, как на высший признанный авторитет. – Разум же как средство укрепления веры!..

– Но я не отрицаю, что являюсь учеником Августина! – кипятился обычно Боэций на такие заявления.

Его тесть, Симмах, обычно помалкивал, когда он спорил с Иоанном. С зятем он спорил наедине.

Боэций же настаивал, споря с Иоанном, что его теология не в доказательстве истины веры, а в поиске понимания.

– Понимание же может базироваться на логике, которая, прежде всего, это логика Аристотеля! И я утверждаю, что истина веры должна быть подкреплена доказательствами разума! То есть вера должна быть не просто принята, но обязательно понята!..

Симмах от этих его высказываний, считая их правильными, слегка поёживался, хотя и не боялся религиозных гонений...

Иногда в их узком кружке появлялся квестор³⁴ Флавий Кассиодор. Высокий ростом, с отменным здоровьем, выходец из знатной богатой семьи. Но он больше слушал, чем го-

³⁴ Квестор – чиновник, ведавший законодательной функцией императорской власти.

ворил или спорил. Может быть, из-за молодости или не хотел раскрывать себя.

Только однажды он проговорился, когда речь зашла об арианах, терпимости короля Теодориха:

– Мы не можем считать религию пошლიной, говорил король Теодорих как-то в моём присутствии. Потому что никто не может быть принуждён верить против своего желания...

Он заметил, что Теодорих принадлежал к арианской секте, но не делал никаких ущемлений тем, кто не разделял взглядов Ария. Кассиодор оглядел собеседников, как приняли они его высказывание и то, что он нарушил своё постоянное молчание. Заметив, что это было принято доброжелательно, он продолжил:

– И он искренне признавал превосходство римской культуры! И всячески старался воспитать своих людей, остготов, в рамках римской цивилизации... Особенно литературы!..

– Господа, почему бы нам не пригласить в наш кружок патриция Пробина, – сказал Симмах. – Он и его сын Цетег весьма интересные люди и привнесут своё, из литературной жизни... А дьякон Эннодий – какой прекрасный панегирик написал благородной мадонне Варваре. Сейчас она в Равенне, при дворе, стала воспитанницей остготских принцесс!..

– Да, я видел её там несколько раз, – подтвердил Боэций. Он обратился к Кассиодору:

– Флавий, известный Эвгиппий написал интересный труд о святом Северине и подарил его твоей родственнице, на-

божной Пробе, в благодарность за то, что она предоставила в его распоряжение свою библиотеку!..

В этот день они много беседовали, спорили, строили планы.

Но этим планам не суждено было сбыться.

* * *

Прошло пять лет, и Боэция возвели в звание консула.

И он сам, и его тесть знали, что это была благодарность от короля Теодориха за исполненные Боэцием просьбы относительно кифариста королю Хлодвигу и изготовление водяных часов, клепсидры, бургундскому королю Гундобаду.

Они, тесть и зять, уединились в тот вечер от остальных, чтобы поговорить откровенно о том, что волновало обоих, и о важном решении Боэция углубиться в исследование христологических споров, возобновившихся в Риме.

Тесть поддержал его решение:

– Однако я полагаю, что смысла нет в том, чтобы тратить на это многие годы... Если же считаешь, что это по твоим силам, тогда вперед!..

У Симмаха была обширная библиотека.

– И я предоставляю её в полное твое распоряжение!

И хотя у Боэция была тоже хорошая библиотека, но он с благодарностью принял предложение тестя, надеясь, что это позволит чаще встречаться ему с Рустицианой и всем семей-

ством Симмахов на вилле.

– И у меня ещё в планах! Перевести на латинский язык Платона и Аристотеля!

– Но это же громадный труд! – воскликнул Симмах.

– Да! Но дело стоит того! Желаящим знать философию нужно дать в руки первоисточники! Их чистейшие незамутнённые образцы!.. Составленные на латыни!..

Симмах не замечал в своём воспитаннике ревностного благочестия. Боэций даже не интересовался серьёзно вопросами веры. Он развивал свою систему идей, как в античной интеллектуальной традиции: разуму – своё, вере – своё...

Работа в сенате отнимала у Боэция много времени и сил. Но он уже втянулся в такой ритм жизни и даже находил в нём свои прелести и достоинства.

И так прошли, в трудах, несколько лет его жизни.

Глава 5. Анастасий

Прошла неделя после восшествия на императорский престол Анастасия, по прозвищу Дикорос.

Страстная неделя, пятница, одиннадцатое апреля 491 года.

Закончились все официальные торжества по этому случаю. Наступили будни, заботы и тревоги. Перед Анастасием, новым василевсом, поднялись, в своей громаде и важности, опасения, грозившие ему, новому василевсу. На это место, на которое судьба случайно вознесла его, были претенденты, имеющие гораздо больше прав: по древности рода, заслугам перед империей, по дарованиям, зрелости ума, в решении тягот, в которых оказалась Византийская империя за последние семнадцать лет непрерывных обрушений в правящей верхушке.

Юстин уже достаточно хорошо узнал Анастасия. А при выходе на Кафизму³⁵ императрицы Ариадны хорошо рассмотрел её.

Она шла на Кафизму ипподрома. Впереди всего шествия шёл Юстин со своими экскувитами-гвардейцами. Затем шла императрица в бархатной одежде фиолетового цвета, с короной на голове... Тяжёлая походка полной женщины. Она

³⁵ Кафизма – императорская ложа на ипподроме.

уже в годах, но лицо её всё ещё сохранило следы свежести... За ней шла свита придворных, дамы, сановники... И снова сановники рангом ниже...

От Анастасия же он ожидал, что тот станет действовать осторожно, пойдёт на ряд уступок народу, чтобы привлечь его на свою сторону. И он ждал, какие шаги сделает Анастасий в первую очередь. И он не ошибся, когда новый василевс первым делом отменил хрисаргир, общегосударственный налог золотом и серебром на все ремёсла и промыслы, взимавшийся раз в пять лет со времени Константина Великого... По империи прокатилось ликование... Народ славил нового императора.

– Василевс – твоя победа! – содрогался от криков ипподром.

Анастасий открывал, по случаю своего избрания императором, конные состязания. Он подошёл к краю Кафизмы, поднял в руке белый платок, призывая зрителей к началу гонок, и бросил его вниз.

И в этот же момент с трибуны кто-то бросил в него камень...

Анастасий ловко увернулся... Но в следующее же мгновение по взмаху руки Юстина его экскувиты метнулись на трибуну и схватили виновного...

От такого начала зрелищ с новым императором закричали все: и прасины и венеты, забыв на время постоянную вражду, обнимаясь и славя Анастасия и Ариадну.

После этого Ариадна заметила как-то в разговоре с Анастасием, зачем, мол, этот ипподром, рассадник беспорядков и зла.

Анастасий шутливо ответил ей:

– В Константинополе Бог имеет Святую Софию, император – Священные палаты, Сенат, а народ – ипподром!.. Там народ выпускает избыток дурной крови!

* * *

В это время, время Анастасия, у Юстина прибавилось должностных обязанностей при дворе. Теперь он уже не стоял охранником у дверей василевса. Под его начало поступила сотня экскувитов. И он только распределял их по местам, где они должны были стоять и наблюдать за порядком, либо сопровождать василевса, когда он выходил куда-нибудь из дворца, или на торжественном приёме иностранного посла.

На одном таком приёме персидского посла ему пришлось долго быть на ногах. По просьбе посла Анастасий вздумал с чего-то показать послу императорский дворец.

– Великий шах Персии хотел бы знать больше о дворце византийского василевса, – начал посол вкрадчивым голосом, явно не надеясь, что его просьбу здесь уважат. – И за это он весьма будет благодарен брату своему, василевсу! И почтит его благородное имя, вписав в книгу шахской славы!..

Анастасий показал жестом Юстину подойти к трону.

Юстин подошёл.

– Проводи посла по дворцу и покажи, что он пожелает!

Юстин отдал честь василевсу: «Слушаюсь, ваша милость!»

Затем он пригласил посла и его помощников следовать за собой.

Особый восторг произвёл на посла ипподром, когда они поднялись на Кафизму, с которой открывалась панорама всего этого грандиозного сооружения и великолепный вид на Пропантиду, Босфор и азиатский берег. Не меньше восхищён был посол храмом Святой Софии и зданием Сената на форуме Августеона³⁶...

Посол замучил его. В этот день он много ходил, зверски устал. Вернувшись вечером домой, он, ругаясь, рассказал Лупицине о дотошном после, поделился с ней соображением, что неспроста такой интерес у посла враждебной страны.

– Шпионил, – согласилась с ним Лупицина. – Почему Анастасий-то разрешил это? – удивлённо спросила она его.

– Не знаю... Но Анастасий просто так не допустил бы такое, – заключил он. – Значит, зачем-то ему это было нужно!

* * *

На следующем приёме этого посла, когда закончилась

³⁶ Августеон – императорская площадь.

официальная процедура, Анастасий встал с трона, спустился к послам и, вежливо взяв старшего из них под руку, пригласил послов в соседнюю палату, столовую кенургия, свод которого поддерживался изящными мраморными колоннами, что вызывало восхищение у иностранцев, так же как до блеска отшлифованный мраморный пол и мраморные столы. Этим не прочь был блеснуть Анастасий перед послами персидского шаха Кавада, чтобы вызвать зависть и раздражение у того от богатства и роскоши Византийской империи.

За ними туда же направились остальные, присутствующие на приёме.

Юстин, в обязанность которого входило ни на шаг не отходить от императора на таких приёмах, двинулся вслед за императором и послом.

При выходе из тронного зала он случайно наступил ногой на длинную мантию императора, тащившуюся следом за ним...

Анастасий, почувствовав это, остановился, обернулся к нему, его глаза сердито блеснули. Заметив же виноватое выражение на лице Юстина из-за этой оплошности, он снисходительно пожурил его, с каким-то явным намёком:

– Ну куда ты спешишь-то!..

Юстин же готов был провалиться сквозь землю.

В столице и Халкидоне было очень много исавров. И сикофанты³⁷ доносили во дворец, что они затевают беспорядки, чтобы затем устроить государственный переворот.

И вот в столице, предвестником этого, началось: исавры, к ним примкнули прасины, толпа росла, полилась по улицам, двинулась на ипподром.

Юстин приказал своим экскувитам: «Схватить зачинщиков!»...

Один из его экскувитов засомневался: «Там же мои братья, исавры!»

– Твои, говоришь, братья! – устался Юстин на того экскувита. – Он что, кормить будет тебя?! Он ещё сдерёт сам с тебя деньги на пьянку и жрачку!.. Бездельник! Добро бы порядочным был!.. Запомни: ты служишь василевсу!..

Ему ещё раньше доносили, что среди исавров, в рядах его экскувитов, много шатающихся. И он знал среди них настроение и зачинщиков всех беспорядков. С двумя доносчиками он уже встречался тайно, на христианском кладбище, в пикантном месте.

– Исавры готовы пойти на безумный поступок! – сообщил ему один из них.

³⁷ Сикофанты – профессиональные доносчики, клеветники, шантажисты.

– Да! – подтвердил его приятель. – Они запаслись длинными баграми, привязали к концам их лён и серу и собираются сжечь весь город, если их станут выгонять из него!

Когда же Юстин донёс обо всём этом василевсу, то Анастасий приказал ему действовать с исаврами более жёстко...

И вот сейчас экскувиты, закованные в доспехи, врзались в толпу, пролагая себе дорогу мечами, добрались до смутьянов... А когда те не подчинились, были изрублены на куски тут же.

Согласие и мир в столице, среди партий ипподрома, рухнули.

Толпа прасинов качнулась в сторону Халки, с факелами, поджигая всё подряд. Чадя, воняя горящим рыбьим жиром, заметались факелы и вокруг ипподрома... Из толпы стали метать факелы в здание Халки... Заполыхали ворота, обтянутые медными пластинами...

Сразу же после начала беспорядков в столице Анастасий стал формировать армию для войны с исаврами, понимая, что просто так эти беспорядки не остановить. Тайные его агенты донесли ему, что среди исавров полно заговорщиков, настроенных воинственно. И он решил нанести упреждающий удар: издал указ о лишении исавров привилегий, отказался выплачивать им жалованье, конфисковал их имущество.

А для получения информации о ситуации в городе он вызвал к себе Юстина.

– Они задумали посадить на трон Лонгина! – доложил Юстин василевсу те слухи, что пошли среди его экскувитов, в основном из исавров.

– Выяви главных зачинщиков, друзей Лонгина, его единомышленников, – велел Анастасий ему.

Юстин кивнул головой и покинул покои василевса.

По дороге от василевса он вспомнил скандальную историю с императрицей Вериной, матерью Ариадны.

Уже восемь лет как её нет. А всё ещё аукается то, что она затевала здесь!

* * *

Анастасий же стал активно проводить совещание за совещанием. Первым делом он вызвал в столицу магистра армии Востока Иоанна, по прозвищу Скиф. Каждый день во дворце теперь можно было видеть и Иоанна Кирта, по прозвищу Горбатый. Его Анастасий назначил также магистром другой армии.

Вызвал Анастасий как-то на откровенный разговор и Юстина, пригласив его к себе в кабинет одного.

– Ты пойдёшь в этот поход тоже, – начал он с ходу, словно это уже было решено между ними. – Назначаю тебя ипостратегом³⁸ к Горбатому... Будешь при нём моими ушами и

³⁸ Ипостратег – по-современному, звание генерала.

глазами. Возражений не принимаю. Сообщать мне всё, что считаешь важным. Я не доверяю Горбатову! Говорю это тебе открыто! Только тебе... В поход пойдут также готы, под началом их соплеменника Асикала. Будут ещё конные полки гуннов...

Он прервал свой монолог, встал с кресла, подошёл к Юстину, заглянул ему в глаза.

– Исавры сейчас все изгнаны из столицы. И они ушли к себе на родину, в Исаврию, в горы. Там они чувствуют себя в безопасности. И этот хмель свободы ударит им в голову: они непременно выйдут оттуда и пойдут, скорее всего, навстречу нашим войскам, на Константинополь. Вот этим нужно будет воспользоваться: встретить их на равнинах Фригии. На равнине они слабы. Перехватить же их надо по дороге на крепость Свинаду.

Юстина удивляли doskonaльные знания Анастасия о том, о чём он говорил. Как будто он сам был там, в той же Фригии или Исаврии. Хотя в походах там, в азиатских провинциях империи, он никогда не был. Но у него была отличная память и глубокое знание начитанность книг, документов и карт, что хранились в императорской библиотеке. Там он проводил много времени, ещё в ту пору, когда только что появился при дворе императора тридцать лет назад. И это сказалоь на его знаниях, эрудиции.

Уточнив ещё, что Юстин пойдёт в поход со своими экскувитами, и кое-какие детали похода, Анастасий отпустил его.

Армии сформировали в спешке, в конце года. Триеры перевезли их через Босфор на азиатский берег... Была уже середина октября... Непогода... Пешие легионы, обозы, конные полки... Армия растянулась на много миль...

Не прошли войска и половины пути до Амиды, как закрутились наверху, среди командующих, интриги. На одной из стоянок в палатке у магистра Скифа собрались все начальники обеих армий. Зашёл разговор о совместных действиях. Совещание прошло с криками, раздором, интригами, и к концу его оказалось, что Горбатый со своими офицерами захватил главное начальство над всеми войсками в этой войне с исаврами.

– Это приведёт к краху всю нашу военную кампанию, – тихо ужаснулся Скиф. – Ну, теперь держись, македонец! – прошептал он, называя так Юстина с первых же дней их знакомства.

Он и Юстин знали хорошо Горбатого, его честолюбие и бездарность в военном деле. И за это теперь должна будет заплатить их армия: сотнями жизней легионеров, а может быть, и тысячей, позором, бездарным походом.

– Ладно, нечего унывать! – старался подбодрить он Скифа, видя, что тот совсем упал духом. – Не один же он в армии! Будем противиться его приказам, если они будут явно

идти во вред войску!

На этом они и договорились.

О сложившейся ситуации в армиях Юстин тут же сообщил василевсу, отправив туда своего гонца. Но того гонца перехватили люди Горбатого.

Обе армии, Горбатого и Скифа, сошлись с исаврами действительно на равнинах Фригии, но близ города Коттиея.

В развернувшемся сражении исавры были опрокинуты пешими легионами из Силимврии, а конные легионеры довели дело до разгрома.

Начался грабёж убитых, мародёрство: снимали доспехи, мечи, одежду и обувь... Обозы растащили сразу же, хотя Горбатый и Скиф приставили к ним охрану – надёжные полки легионеров. Но всё равно пошли частые стычки, нападения на обозы с богатой добычей: фураж для лошадей, огромные запасы продовольствия, одежды, оружие, личные вещи убитых... И этот грабёж, мародёрство, задержали на несколько дней обе армии. Разбитые же остатки исавров успели уйти в горы. Армии Горбатого и Скифа кинулись преследовать исавров, но время было упущено, и те укрылись в горах, в надёжно защищённых крепких местах.

Потянулись месяцы осады, так как взять укрепления штурмом оказалось невозможно.

Близилась зима. И армии расположились лагерями на зимовку, на долгие недели сидения в лагерях... Осаждённые же вскоре ощутили нехватку продовольствия. В крепостях

начался голод, но исавры стойко терпели.

И Юстин на одном из советов у Горбатого предложил выманить исавров из укреплений путём приманки из обоза с продовольствием.

Затея с приманкой не сработала. Исавры догадались, что это ловушка. Со стен крепости они смеялись над ромеями, показывали непристойности свои, свистели и ругались. Навеселившись, они снова ушли со стен, стали заниматься своими хозяйственными делами. На стенах же и башнях остались только стражники, зорко следя за передвижками в лагерях ромеев.

С наступлением весны открылись тайные тропы в горах, и по ним исавры стали доставлять продовольствие в крепости.

Горбатый обозлился на Юстина за этот провал с приманкой. Вечером в его палатке разгорелся скандал. Он обвинил его в сговоре с исаврами, среди которых в крепости оказались и экскувиты, бывшие недавно подчинёнными Юстина.

– Это твои гадёныши сидят сейчас вон там, в крепости! – разозлившись, ткнул Горбатый корявым пальцем в сторону крепостных стен. – А обучал-то воевать их ты! – теперь ткнул он всё тем же корявым пальцем в грудь Юстину.

Магистр армии Иоанн, по прозвищу Горбатый, был не из трусливых. На его теле полно было шрамов, как и покалеченных рук и ног. Но по характеру он был отвратителен. Как кто-нибудь провинится, или сделает оплошку на поле боя, или, не дай бог, струсит в битве – тут же идёт у него под суд,

жёсткий и беспощадный.

– Не покажешь строгость – завтра все побегут в панике! – любил повторять он.

И он посадил Юстина под стражу за провал с приманкой, собираясь судить его, затем казнить за измену императору... Над Юстином сгустились чёрные тучи. Он сидел в яме, в какие садят только злодеев, дожидаящихся казни. Раз в день ему опускали в яму на верёвке горшок с какой-то жидкой похлёбкой. Кое-как поев это отвратительное пойло, он засыпал, уже ослабев за пять дней заключения настолько, что едва мог вымолвить два-три слова. Чтобы совсем не потерять голос, он стал петь песни, запомнившиеся в юности...

Через месяц его внезапно выпустили, так же как внезапно посадили. Оказалось, как сообщил ему секретарь Горбатого, из Константинополя пришло письмо от Анастасия к Горбату с приказом немедленно освободить из-под ареста ипостратега Юстина, вернуть ему прежнее командование над экскувитами.

«И впредь бы ты, магистр Иоанн, по прозвищу Горбатый, не прикасался к нашему ипостратегу, верного слугу империи!» – звенели металлом строки письма василевса.

На этом история с арестом Юстина закончилась.

Горбатый же, чтобы как-то выпутаться из этой истории, обелить себя, пустил слух, что ему было видение, которое предрекало Юстину в будущем громкую славу. Хотя он же, Горбатый, посмеивался, что из этого малограмотного кре-

стьянского сына, свинопаса, вряд ли выйдет что-нибудь путное.

Осада укреплений исавров затянулась надолго. Прошёл ещё год вялотекущих стычек. Ни те ни другие не хотели рисковать, надеялись только на то, что голод возьмёт своё в конце концов.

Через три года война с исаврами закончилась, когда в 497 году Иоанн Скиф захватил главарей сопротивления, Лонгина и Афинодора. Они были казнены, головы их отправили в Константинополь, где их выставили на ипподроме.

* * *

В начале ноября, шёл 502 год, Анастасий вызвал к себе во дворец Ареобинда, стратега³⁹ восточных провинций империи.

В связи с этим референдарий императора, дотошный малый, ещё раз предупредил Юстина, что сегодня будет на приёме у василевса Ареобинд.

– Приём военачальников, даже близких к василевсу, ты уже знаешь... Примешь у них всё оружие, сдашь под надзор своим экскувитам. Затем проводишь его в кабинет василевса... С тобой, как всегда, должны находиться не менее четырех экскувитов. Двое останутся у дверей кабинета, с двумя

³⁹ Стратег – военачальник.

другими ты войдёшь к василевсу в кабинет вместе с посетителем...

Он замолчал на минуту, затем продолжил.

– И ты хорошо знаешь, что Ареобинд не простой патриций. Он зять Олибрия – бывшего императора в Риме! – сделал он многозначительный жест рукой. – И по отцовской, и по материнской линии принадлежит к высшей военной знати. Он сын Диагисфеи, внучки некогда всесильного алана Аспара! Того, который был убит в правление императора Льва!.. Ареобинд женат на Юлиане, из аристократического рода Анициев...

Посчитав, что изложил главное о посетителе, он перешёл снова к тому, как вести себя ему, Юстину, на приёме такого посетителя у василевса.

– Если василевс попросит, то можешь приказать одному экскувиту, с которым войдёшь в кабинет, выйти из кабинета. Но сам ты никогда, ни при каких обстоятельствах не должен оставлять василевса наедине с посетителями! Даже ночью, у дверей его спальни, должны стоять на страже по два экскувита... Что бы ни говорили при твоём присутствии василевс и его гости, ты не должен слушать. Твои уши должны быть закрыты для этого! Только твои глаза должны следить, чтобы никто не приближался к василевсу ближе чем на два шага!

Сделав ещё несколько незначущих замечаний, он попрощался с Юстином и ушёл к себе, в свою канцелярскую камеру, как шутливо он называл её.

Этот же вызов Ареобинда к василевсу был связан с тем, что только что, в октябре, персидский шах Кавад подошёл к византийской пограничной крепости Амида и осадил её.

* * *

Юстин встретил Ареобинда у входа в портик больших ворот Халки⁴⁰. Эти ворота выводили на площадь Августео-на, за которой стоял храм Святой Софии. Через эти ворота обычно выходил василевс, направляясь в храм Святой Софии по церковным праздникам. К этим же воротам подъезжали иностранные послы для торжественного приёма у василевса. Иногда через них выезжал верхом василевс в окружении экскувитов, направляясь на ипподром для открытия игр, состязаний или выступлений перед народом и партиями ипподрома.

Стратег явился в сопровождении своих телохранителей, хотя и знал, что во дворец телохранителей не пускают.

Юстин, встав на пути Ареобинда, загородил ему дорогу дальше на территорию Большого дворца. Там, позади него, находилось то, что он охранял: парки, купальни, бассейны, изящные постройки, тенистые сады с фонтанами, оранжереями, места отдыха и развлечений императриц.

⁴⁰ Халка (назван по бронзовой вызолоченной крыше) – один из главных входов императорского дворца, был окружён со всех сторон дворцовыми постройками и колоннадными портиками.

Поприветствовав стратега, он пригласил его следовать за собой, после того как тот отдал здесь, в портике, экскувитам свой меч и кинжал, оставил также и своих телохранителей.

Они прошли через портик. Сзади них пристроились четверо экскувитов, вооружённые, готовые по первому знаку Юстина прийти к нему на помощь.

Юстин свернул налево, в длинный двор.

– Нам сюда, – сказал он Ареобинду, шагавшему рядом.

Они прошли до половины двора, до бронзовой двери, за ней свернули направо в палату экскувитов, родную палату Юстина...

Идти было не близко, в дальний уголок Большого дворца, и они разговорились.

– Кавад осадил Амиду месяц назад, – начал Ареобинд. – Но взять крепость не может... И я полагаю, что император собирается послать на выручку крепости армию. Для этого, видимо, и вызывает к себе военачальников... Вот увидишь, он пошлёт туда и тебя с твоими экскувитами!..

Он желчно усмехнулся. Высокий ростом, длинноногий, хорошо сложенный, с приятными чертами лица северянина, белокурого, с высоким лбом.

Но, как уже слышал Юстин о нём сплетни, не отличался мужеством, не то что его прадед Аспар... «Трусоват!» – заключил он спокойно... Аланы и остготы, что наводили ужас на римлян своей беспощадностью, завоевав Италию, Рим, смешавшись со страстными южанками, быстро выро-

дились...

Юстин возразил ему, что император вряд ли обойдётся без него, без охраны дворца. Анастасий хотя и был не робким, но и безрассудством не отличался тоже. И Юстин считывал на это...

Пройдя палату экскувитов, они вошли в палату кандидатов с куполом на восьми колоннах. Здесь было несколько дверей... Юстин уверенно свернул в палату направо, Ареобинд и экскувиты последовали за ним... Затем Юстин так же уверенно свернул налево, к лестнице. Они спустились по ней и через портик «Золотая рука» прошли в палату Августея⁴¹, из нее вышли в верхнюю галерею террасы дворца Дафны⁴², оттуда же по лестнице спустились в апсиду⁴³ – полукруглую часть фиалы⁴⁴... И через триконху⁴⁵ и галерею триконхи подошли к Золотой палате.

Рядом находилась императорская опочивальня. Недалеко размещалась канцелярия и кабинет Анастасия...

– Мой прадед Аспар любил повторять старую пословицу, ходившую в древности: «Рим съел мир!» Хм!.. Затем

⁴¹ Августея – тронный зал.

⁴² Дворец Дафны – центральная часть ю.-з. комплекса зданий т. н. Большого дворца.

⁴³ Апсида – выступ здания, полукруглый, граненый или прямоугольный в плане, перекрытый полукуполом или сомкнутым полусводом.

⁴⁴ Фиал (от *греч.* *phiale* – кубок) – в Византии: круглое помещение с фонтаном в центре.

⁴⁵ Триконха – палата в виде раковины.

он добавлял, что сейчас всё случилось наоборот: «Мир съел Рим!» – заключил Ареобинд в конце беседы.

Один из подчинённых Юстина, экскувит, вышел вперёд, открыл тяжёлую и высокую дубовую дверь с гербом императора, распахнул её перед ними... И пошёл дальше впереди них.

Они подошли к кабинету василевса. Повторилась та же процедура.

Один из стоявших у двери экскувитов отдал честь, деловито доложил Юстину:

– Василевс ждёт!..

Он раскрыл дверь кабинета, а Юстин жестом пригласил стратега войти в кабинет.

Они вошли в кабинет Анастасия.

В кабинете оказались ещё три человека, которых не ожидал увидеть Ареобинд. Один из них был Келер, командир дворцовых тагм⁴⁶. Ему особенно доверял Анастасий, как иллирийцу, своему земляку. Поэтому он приглашал его на все совещания, когда дело шло об особо важных решениях для империи. Здесь же был фригиец Патриций, командующий войсками в самой Византии, старый, умудрённый, но уже слабый на голову: его подводила память. Порой он путал имена своих же товарищей, комитов. Но старик прямолинейный, справедливый... Он нравился Юстину этим, чем походил в этом на него самого, Юстина... Но вот кого не лю-

⁴⁶ Тагма – гвардейское подразделение.

бил Юстин, так это Ипатия, племянника василевса... «Бездарь!» – так окрестил он его за то, что тот мало смыслил в военном деле, совался же в первый ряд командующих... «Худой конь норовит бежать впереди!» – вспомнил он пословицу кочевников... Третьим в кабинете был племянник Анастасия, патриций Проб, его любимец, которого он повсюду таскал за собой.

Совещание, обсуждение плана похода, затянулось в этот день до глубокого вечера.

Анастасий имел привычку обсуждать всё основательно с военачальниками, советниками и ближними людьми, затем уже начинать какое-либо дело, тем более открывать военные действия.

На следующий день у василевса собрались архонты, отвечающие за снабжение армии всем необходимым на войну, на поход. Был вызван к василевсу комит священнных щедрот – главный казначей... Логофет, чиновник по финансовой части, тут же что-то записывал скоренько на клочке папируса... Ни одно из совещаний не происходило без участия эпарха⁴⁷ войска – главного интенданта армии, распорядителя расходов по войску. Им был назначен египтянин Анион, которому доверял Анастасий.

День за днём обсуждали, планировали, подсчитывали расходы, дни походов, возможные последствия неудач... Сколько нужно фемного войска, сколько проходит армия за день,

⁴⁷ Эпарх – главный интендант армии.

стоянки на отдых, маршруты передвижения армии... Был составлен план, расписано задание каждому должностному лицу.

* * *

В это время на Юстина свалилась неожиданная радость. Когда он вернулся с очередного совещания у василевса домой, то застал там молодого человека, мило беседующего с Лупициной.

Увидев Юстина, Лупицина поднялась навстречу ему.

– Вот этот молодой человек говорит, что он твой племянник!.. Зовут Флавием! Он сын твоей сестры Бигленицы!..

Приглядевшись, Юстин различил действительно знакомые черты своей сестры, расплылся в улыбке, подошёл к молодому человеку, обнял его.

– Ну, здравствуй, племяш!.. Выглядишь вполне прилично, хоть сейчас отдавай в школу или в училище!.. Какие у тебя пристрастия, увлечения? Есть ли особые интересы? Чем бы хотел заняться?..

Племянник был невысокого роста, белолицый... «Похожий на Савватия больше, чем на Бигленицу!» – мелькнуло у Юстина.

– Да будет тебе! – рассмеялась Лупицина. – Молодой человек только что с дороги, а ты уже строишь планы, кого из него сделать!..

Этот вечер прошёл у них в воспоминаниях, рассказах, как живут там, на родине, их родные и знакомые...

Когда же Флавий заикнулся о Зерконе и Дитибисте, Юстин помрачнел... Затем он рассказал ему, что они погибли в походе против исавров шесть лет назад.

– Помянем их добрым словом! – встав, поднял он чашу с вином.

Лупицина и Флавий тоже подняли чаши с вином.

Все выпили. На какое-то время в комнате стало тихо, как будто Зеркон и Дитибист с благодарностью приняли их память о себе...

Когда же Юстин сказал Флавию, что он уходит на войну с персами, тот необычно оживился.

– Дядя Юстин, возьми меня с собой!.. Умоляю!..

Юстин резко отказал ему.

– Ещё успеешь, навоюешься! Учиться тебе надо! По себе знаю, что значит быть безграмотным... Завтра же я устрою тебя в училище! Это не обсуждается!.. Сначала осиль грамоту, законы государства! А дальше как сложится: можешь заниматься науками, философией, религиозными вопросами... Вернусь из похода – будешь держать экзамены, того, что усвоил! Я найду таких экзаменаторов, что они вывернут все твои знания наружу!

Из Константинополя войска империи выступили в середине апреля, шёл 503 год.

Триеры, гружённые войсками, вышли в Босфор... А там борей, холодный ветер с севера, с Понта Эвксинского⁴⁸, подхватывает корабли, и надувает паруса, и гонит, гонит лёгкие судёнышки по Босфору, как по трубе... И вторит ему течение, выкидывает в Пропонтиду, если не справилась команда на борту...

Легионеры Ареобинда, стратега Востока, располагались по крепостям Каппадокии, Галатеи и Вифинии.

И Ареобинд, переправившись через Босфор, сразу же ушёл со своим небольшим отрядом вглубь Вифинии, чтобы забрать там, в крепостях, часть своих легионеров.

– Ну, дружище, не задерживайся в пути, – обнял он на прощание Келера. – Жду вас всех в Эдессе! – крикнул он оставшимся здесь командирам.

У Келера же было своё задание: проследить, чтобы войска дошли благополучно до Амиды, вернуться к василевсу и доложить об этом.

Итак, Ареобинд ушёл со своими офицерами собирать свою армию по крепостям.

⁴⁸ Понт Эвксинский – древнегреческое название Чёрного моря.

У всех отрядов были архонты. Но Келер, Ареобинд, фригиец Патриций и Ипатий были командующими армиями. А с ними, ниже рангом, Юстин и Патрициол с сыном Виталианом. Простояв здесь, под стенами Халкидона, ещё два дня, армии снялись со своими легионами и направились на восток, сначала на Фригию – дорогой, знакомой Юстину ещё по походам в войне с исаврами.

– Здесь десять лет назад я ходил с экскувитами на исавров, – начал Юстин рассказывать Келеру, вспоминая те прошлые походы, покачиваясь в седле.

Он и Келер ехали на конях впереди своих пеших легионеров, поднимающих песчаную пыль позади.

Солдаты шли тяжело, изнывая от жары вот сейчас, в конце апреля...

– Вон видишь ту крепостишку? – показал он рукой Келеру на горизонт, где неясно что-то маячило, похожее на человеческое жильё. – Это крепость Иконий!.. От неё начинается Ликаония... Половина пути от Босфора до крепости Эдесса!.. Оттуда рукой подать до Амиды...

Келер промычал что-то нечленораздельное, вроде того, что понятно.

– Ну ладно, Юстин, довольно! – остановил Келер его, заметив, что его другарии⁴⁹, едущие позади них, начали зевать, ухмыляясь и глядя с насмешкой на Юстина.

Юстина же встревожило то, что как шли они отдельно, так

⁴⁹ Другарий – офицер тагм.

и расположились отдельно.

Ещё там, в столице, войско долго собиралось, двигалось же затем с большими остановками. И вот, в конце пути, легионы расположились тоже отдельно.

«Анастасий дал в этом деле большую промашку! – подумал Юстин. – Келер не подчиняется Ареобинду, тот же не может справиться со своеволиями Флавия Патриция и Ипатия... Да и “мелкота” тоже напросилась в поход только развлекаться!» – стала нарастать у него злость на эту золотую молодёжь, не умеющую ни сражаться, ни командовать.

И только здесь стало известно, как взял Амиду Кавад, какой случай помог ему.

Келер выругался...

Оказалось, что монахи, охранявшие одну из башен города, напились, и персы, захватив их спящими, перебили и свободно вошли в город.

Он зашагал крупными шагами по палатке. Войска ромеев не дошли до Амиды всего одного дневного перехода... И надо было что-то предпринимать сейчас.

И он предложил план.

– Кавад уже ушёл из Амиды. Знает, что это территория империи и, находясь на ней, равносильно объявлению войны... К тому же ему приходится воевать на два фронта: с востока его теснят эфталиты⁵⁰!

⁵⁰ Эфталиты – объединение племён, вторгавшихся в V и VI вв. в Иран и Северо-Западную Индию. В V в. образовали государство, в которое вошли террито-

Тем временем к ромеям в войско прибыл из-за рубежа доверенный от шаха и вручил Ареобинду письмо от Кавада. Шах писал, что если император хочет мира и получить Амиду, то он должен немедленно заплатить сто двадцать три кентинария⁵¹ золота и затем платить такую же сумму ежегодно.

Келер и Ареобинд выругались.

Но делать нечего. Начались переговоры с доверенным шаха.

Тот же стоял на том, на чём велел ему шах.

Ромеи совещались, торговались с послом шаха. Но тот не уступал ни номисмы.

Ареобинд, поднимая ставку, дошёл до восьмидесяти пяти кентинариев... И на том он остановился.

– Мы не можем сразу заплатить такую большую сумму!.. Это всё, что может империя со своей стороны заплатить сейчас...

Переговоры шли всю ночь до рассвета и ничем не закончились.

Посол уехал к шаху. Уехал к василевсу в Константинополь и Келер с докладом о ситуации под Амидой.

* * *

В конце 503 года, в декабре, к войску ромеев неожиданно

рии Средней Азии, Афганистана и Восточного Ирана.

⁵¹ Кентинарий – вес одного кентинария золота составлял 32,7 кг.

нагрязнул Келер с армией в десять тысяч легионеров и расположился лагерем в Иераполе, в пятидесяти милях южнее Эдессы. И он тут же вызвал к себе командиров всех армий, разбросанных вокруг Амиды.

– Господа архонты! – обратился он к собравшимся. – По постановлению императора я назначен главнокомандующим над всеми армиями в войне с персами!.. Вот здесь, на границе, где дела идут хуже некуда!.. Властью, данной мне императором, я отстраняю от командования Ипатия и Апиона! – спокойно посмотрел он в глаза тому и другому.

На его лице не дрогнул ни один мускул. Он только исполнял волю императора, чтобы исправить положение, катастрофически проигрываемое армиями ромеев под Амидой тем же персам.

– На место Апиона приказом по армии назначается Каллиоппий... Вы хорошо знаете его как способного военачальника!.. Сейчас же вводится по войскам распоряжение о распределении на зимовку армий. В соответствии с этим приказом армии размещаются по следующим городам!

Он сделал знак своему секретарю.

И тот, встав со стульчика, зачитал города и армии, которые должны встать в тех городах на постой до весны.

– Если будут жалобы горожан на ваших солдат, наказывать их буду строго! – добавил Келер и погрозил пальцем архонтам. – Вплоть до вынесения смертного приговора!..

Он распустил архонтов, задержав ещё у себя Юстина.

Когда все вышли, он подошёл к Юстину, обнял его за плечи по-дружески, заговорил доверительным тоном, слегка понизив голос, чтобы не слышно было за стенами палатки:

– Тебе отводится особая роль в предстоящих операциях в зимний период... Но об этом будет особый разговор...

Он бросил мельком взгляд на Юстина. Тот же весь напрягся, похвала Келера озарила его лицо вспышкой.

Келер, как только прибыл сюда, сразу вызвал к себе фригийца Патриция и дал ему задание: выступить со своей армией из Мелитины в направлении к Амиде и перекрыть пути подвоза продовольствия в осаждённый город.

И старик Патриций переправился с армией через Евфрат. Покрыв за три дня сотню миль, обойдя южнее Амиду и реку Тигр, минуя также тяжёлое для перехода сейчас, зимой, плато Дезде, он вышел на северную оконечность Месопотамской низменности. И там его разъезды заметили караван верблюдов с продовольствием, идущий к Амиде. Операция была проведена мгновенно: немногочисленная охрана каравана разбежалась. И Патриций захватил весь караван. По пути он встретил небольшой отряд персов на реке Нимфий, уничтожил его. Затем, повернув на север, он подошёл к Амиде, недалеко от неё встал лагерем на берегу Тигра. Другая часть его армии, переправившись через Тигр, замкнула кольцо осады, отрезала все пути к городу с севера.

Подошла весна. Наступила пора походов и сражений.

И Келер сконцентрировал все имеющиеся силы ромеев в

большом лагере вблизи Решайны. Готовилась крупная операция.

* * *

В это время разъезды донесли, что к Нисибину подошли большие силы персов. Похоже, они готовятся идти на вырубку Амиды. Донесли разъезды ещё, что персы отогнали огромный табун коней далеко к югу от Нисибина, на пастбище в горную местность, чтобы кони нагулялись перед сражениями на обильно покрытых зелёной травой высокогорных лугах, орошаемых тающими ледниками.

Когда Келеру донесли об этом, он понял, что персы выдали себя. И он тут же вызвал к себе дукса⁵² Тимострата, командовавшего гарнизоном в Каллинике.

– Этот табун сейчас недалеко от твоей крепости. Пошли своих людей, чтобы захватили его! – приказал он.

Тимострат блестяще провёл эту операцию.

Келер собрал всех командующих и архонтов.

– Теперь идём всеми армиями к Амиде и осаждаем её так, чтобы не проскочила ни одна мышь!.. В первую очередь делаем подкопы. Это поручается тебе, Ипатий, как племяннику василевса!..

Прошло достаточно времени, подкопы были уже готовы...

⁵² Дукс – верховный представитель военной власти на территории из 13 пограничных округов империи.

Но на следующее утро обнаружилось, что персы затопили их...

Келер понял, что это тупиковая затея.

На очередном совещании он возложил продолжение осады на Патриция.

– А тебе, Ареобинд, приказываю собрать достаточно силы, вторгнуться в персидскую Армению!.. В помощники тебе поступает Юстин со своими легионерами!.. Раз они ведут себя так, то приказываю опустошить страну! Разорить земли за Тигром! Избивать всех жителей старше двенадцати лет! Забирать скот, хлеб...

Через неделю Ареобинд и Юстин вернулись из похода и привели к осаждённой Амиде свыше ста тысяч баранов, скот, верблюдов и пленных.

Эта мера подействовала на персов.

По условиям мирного договора Келер предоставил гарнизону Амиды право выйти из города с оружием.

Вступая в Амиду, ромеи были потрясены видом опустошённого города, превращённого в сплошные развалины, где жили только собаки и кошки...

Войска же тем временем разошлись на зимние квартиры. Ареобинд со своими легионерами отправился в Антиохию, Феодор – в Дамаск, Патриций – в Мелитену за Евфратом, Юстин – в Апамею, а Каллиокий – в Иераполь.

Келер же уехал в Константинополь к императору с принятыми условиями мира. В Эдессу он вернулся только весной

следующего года.

Вскоре Юстин был вызван василевсом в Константинополь, ко двору.

Анастасий встретил его дружелюбно, так же как и Келера, посчитав, что они выполнили для империи всё, что от них зависело.

Дома же его, Юстина, ждал сюрприз. Он не видел племянника Флавия четыре года. И теперь увидел перед собой возмужавшего молодого человека вместо того неуклюжего и застенчивого подростка, который явился к нему домой четыре года назад.

– Ну-ка, ну-ка! Покажись! – приговаривая, стал он внимательно изучать перемены, происшедшие с племянником.

Флавий не только возмужал, но у него появилось ещё что-то, что Юстин заметил не сразу... Это была внутренняя сосредоточенность сформировавшейся личности, с глубокими знаниями и уверенностью в себе, в своих силах.

И это понравилось Юстину, безграмотному и не всегда уверенному, что он правильно поступает... Экзаменовать же его он не стал, как обещал когда-то. Хорошим экзаменатором для него будет сама жизнь, и она всё покажет, всё выявит.

– И что же ты изучал в школе? – поинтересовался он из любопытства и желания сделать племяннику приятное.

– Я не проходил полный курс. Меня интересовали только риторика, юриспруденция и философия, – ответил Флавий. –

Но перед этим все проходят грамматику и орфографию... И всё преподают на греческом языке... Учителя заставляют заучивать наизусть и комментировать Геродота, Гомера и Платона... Особенно же Аристотеля...

Юстин промышал что-то нечленораздельное, как будто он слышал об этих мыслителях или был знаком с их сочинениями.

На этом он завершил экзаменовывать племянника.

Вечером он остался один с Лупициной, разговорился с ней, пошутил, что из-за него у них нет детей, взяв за это вину на себя.

– Не то был бы сейчас сын, такой как Флавий!.. Ну, ничего, если бы и дочь! – согласен был он и на это.

В его голосе проскользнула горечь, что сейчас, в их возрасте, всё это было уже поздно.

* * *

Дворец патриция Ареобинда стоял на третьем холме, если считать, что дворец императора находился на первом холме от пролива Босфор. Дворец Ареобинда занимал почти полностью всю вершину плоского холма, отделяющегося от второго холма неглубоким оврагом, в котором в дождливую пору на дне бурлил поток грязной дождевой воды, срывающий глинистые берега оврага. А чтобы этот поток, подтачивая из года в год стенки оврага, не добрался, в конце концов, до

самого дворца патриция и не разрушил его, то стенки оврага укрепили крупными камнями, точно так же как делают у крепостных рвов.

Из дворца, с его высокой лоджии, открывался широкий вид на Пропонтиду и Босфор. А там уже с раннего утра обычно снуют лодки и суда мелких торговцев. Они спешат довести пораньше свой товар до рынка, до того, как изнеженные жители столицы, проснувшись, пойдут по делам, за покупками свежих продуктов: рыбы, морских крабов, моллюсков – деликатесов, которыми снабжает их море. Они особенно ценились на столах состоятельных горожан.

Юлиана, супруга патриция Ареобинда, вставала с постели обычно поздно, когда солнце поднималось над морем достаточно высоко, чтобы согреть мраморные колонны холодного дворца, и его тепло проникало вглубь самого дворца, до его комнат и спален.

Нет, она не была изнежена, чтобы подолгу проводить утренние часы в постели.

Она была деловая женщина, не тратившая зря ни минуты времени, отпущенного ей в жизни. У неё была большая цель: стать императрицей... А для этого нужно было постоянно находиться в форме и в курсе всего, что творится в империи.

Вставала же она поздно из-за того, что обычно затягивались допоздна вечерние встречи с патрициями, известными людьми, чиновниками и служащими императорского дворца. И ложилась спать она тоже поздно, когда выполняла всё

намеченное на день... Тогда как распорядок дня её мужа, Ареобинда, был совершенно иной. Она относила себя по характеру к совам, он же был жаворонок. И характеры эти сказывались и в их отношениях, и в стремлениях к целям. Она была решительна в делах, словах, поступках. Он же подолгу колебался, прежде чем принять какое-либо даже малозначительное решение. От сложных же решений, грозящих опасностями, непредсказуемых, он обычно уклонялся, а если это было невозможно, то, просто говоря, бежал от них.

Юлиана вышла на лоджию в лёгкой короткой тунике, обнажающей её загорелые длинные и красивые ноги. Ими она гордилась и замечала, что мужчины бросают восхищённые взоры на неё, на всё ещё стройную фигуру и длинные ноги. И сейчас, уже в ноябре, она принимала так воздушные холодные ванны, чтобы быть ещё более привлекательной.

Но порой она с горечью и негодованием вспоминала, что когда-то, лет двадцать назад, её прочили в супруги королю остготов Теодориху. Однако затем эта сделка расстроилась со стороны короля. И она до сих пор не могла простить ему лёгкость, похожую на пренебрежение, с какой он отказался от неё.

И она вступила в брак с патрицием Ареобиндом... После же того, как императором стал Анастасий, зная, что представляет собой Ариадна, она вскоре поняла, кто такой новый император... Ариадна – простушка! Это прочно вошло в её сознание после ряда событий, которые раскрыли ей характер

той. Её мать, Верина, вертела ею, своей дочерью, как хотела в своих дворцовых интригах, как и её первым мужем Зеноном... Но ещё больше она удивилась, когда заглянула как-то раз в глаза Анастасию, догадалась и обрадовалась тому, что увидела там. Тот оказался честным мальчиком... Вот после того-то она и стала искать случай спихнуть их с трона... Она всю свою жизнь стремилась к тому, чтобы стать императрицей... Но всё были осечки: с королём Теодорихом, с мужем Ареобиндом... И теперь у неё осталась надежда только на себя и на подходящий случай.

Красивая, образованная, ведущая переписку с самим папой римским Симмахом, она не упускала случая завязать отношения с вожаками партий ипподрома: прасинами и венетами.

– Что ты связалась с какой-то дрянью! – недоволен этим был Ареобинд. – Их слово – что ветер! Сегодня дует в одну сторону, завтра же совсем в другую!..

Она же огрызалась:

– Это ты ничего не делаешь для карьеры! Только воюешь!..

И вот этот случай представился. В 512 году финансовое положение империи ухудшилось из-за непродуманных действий Анастасия. Пошли волнения народа, партий венетов и прасинов на том же ипподроме.

А тут ещё примешалось новое событие, склонившее чашу весов в ту же сторону.

Анастасий издал указ петь с амвона в храме Святой Софии изменённое Трисвятое с включением монофизитских трактовок... Произошло волнение и в самом храме, целое побоище... Несмотря на аресты, ночные улицы столицы заполнили толпы верующих, несогласных с нововведением монофизитов...

Начались погромы: на землю на площадях полетели статуи императора Анастасия...

– Ареобинда в императоры! – послышался сначала чей-то несмелый крик из толпы...

Затем, подхваченное толпой, понеслось из конца площади в конец:

– Ареобинд Август – твоя победа! Юлиана – новая Августа!..

Затесавшаяся в толпе с немногими своими сторонниками, Юлиана разжигала страсти людей...

Но тут полетел по толпе новый крик: «Анастасий на ипподроме!.. В Кафизме!..»

И толпа повернула к ипподрому, заполнила его с криками, бранью, угрозами в адрес императора.

Да, действительно, Анастасий сидел в императорском кресле на Кафизме... Но он был без короны, без мантии монарха, скромно одетый... Непокрытая голова, длинные седые волосы... Весь облик его наводил на мысли, что перед народом предстал библейский старец, умудрённый годами и долгими думами по ночам об империи, о народе...

И шум толпы стал затихать.

И в этой тишине заговорил старец, негромко, но проникновенно, казалось, обращался к каждому.

– Я готов сложить свой сан и обязанности императора, но служить народу Византии, вам!.. Прошу только об одном. хватит бессмысленных разрушений и убийств!.. Идите по домам и успокойтесь...

Простая проникновенная речь, необычный вид императора, в чём-то даже испуганного... И это сломало толпу.

По ипподрому теперь понеслось совершенно иное: «Август Анастасий, твоя победа!»

Толпа хлынула на Кафизму, подхватила Анастасия на руки и буквально понесла на руках к дворцу...

Юлиана не была на ипподроме, не видела последнего акта драмы. Она вернулась домой с улиц столицы, с форума Константина, посчитав, что всё идёт как надо, обрадованная, что её час пробил, стала искать мужа, кричать: «Ареобинд!.. Ареобинд!»

Спросила слуг, где муж.

Те только развели руками:

– Днём был здесь, а вечером куда-то исчез... Когда стало известно, что толпа закидала камнями Келера и Патриция. А префект Платон, говорят, сбежал куда-то первым!..

У Юлианы всё лицо пошло красными пятнами, когда вскоре слуги сообщили ей, что произошло на ипподроме... И она, в гневе, взыв, заметалась по дворцу, разрушая то, что

попадалось под руку, обзывая нелестными словами супруга: «Дурак, даже этого не смог!..»

Потом стало известно, что Ареобинд бежал со своими телохранителями на азиатский берег Босфора и укрылся там не то в Халкидоне, не то поблизости от него в какой-то деревушке.

Юлиана несколько успокоилась, узнав об этом, и, поужинав, ушла к себе, на свою половину дворца.

Вечером к ней пришли её сторонники, рассказали подробности происшедшего на ипподроме, посочувствовали ей, что всё так непредвиденно обернулось.

– Непонятно: чем же взял толпу Анастасий?! – разводили они руками.

Юлиана же негодовала на них за то, что так глупо упустили такой случай. Но и молча корила себя, что поддавалась лёгкости переворота, как представляла она его раньше себе, и ушла со сцены, оставив действовать бездарным статистам.

Её сторонники разошлись от неё, как всегда, поздно, потратив весь вечер на никчёмные разговоры, что раньше нравилось ей. Сейчас же, после их визита, у неё разболелась голова от них, их болтовни, пустоты в мыслях... Она поняла, что связалась с неделовыми людьми... И от этого не могла в тот вечер долго заснуть.

На следующий день к ней пришла Констанция, соседка по вилле на берегу Пропонтиды.

Юлиана рассказала ей, что с ней случилось за последний

день, к тому же исчез куда-то Ареобинд.

– Что ты переживаешь-то!.. Где-нибудь сейчас пирует с такими же, как он сам!.. Хм-хм!.. Надоест – вернётся!..

Констанция воспринимала жизнь в самом её простейшем виде. Жила ни о чём не думая, как только получать от жизни удовольствия.

Юлиана же не могла так жить. Ей всё время хотелось что-нибудь высокое и значительное для существования. Просто так наслаждаться жизнью она не могла. Видела в этом что-то скотское...

Когда же Ареобинд наконец-то вернулся домой через два дня, она набросилась на него.

– Ты трус, трус! – кричала она, бегая за мужем по дворцу. А тот старался скрыться от неё где-нибудь в укромном уголке какой-нибудь комнаты...

Утомившись бегать за мужем, она успокоилась, вспомнила Теодориха.

– И за что мне такое? – горько заплакала она.

После того дня она ещё долго негодовала на трусливого мужа. А затем, как умная женщина, она поняла, что та простушка, Ариадна, под стать ей простачок Анастасий переиграли народ, толпу.

И она поняла, что окончательно упустила возможность стать императрицей, и смирилась с этим.

Его, Юстина, срочно вызвал к себе Анастасий, послав гонца в палату экскувитов, которая была в двух шагах от апартаментов василевса.

Анастасий сразу же стал вводить его в курс дела:

– Хотя ты знаешь все события, связанные с Виталианом, но всё равно я уточню некоторые из них... Кратко!.. Всё началось из-за соперничества Ипатия и Виталиана... Ещё там, на войне с Персией... Затем они столкнулись в Нижней Мезии. Там Виталиан занимал положение комита федератов. Ипатий же был магистром армий Фракии. И он заподозрил Виталиана в чём-то тяжком против империи... И стал его травить. Сначала лишил его содержания по должности и, по-видимому, вообще сократил суммы, которые отпускались на содержание федератов в пределах Фракии. Это вызвало всеобщее неудовольствие в среде живших там варваров и толкнуло их к Виталиану, в ряды его сторонников. Виталиан же распустил слух о своём назначении магистром армии во Фракии и заставил чиновника финансового ведомства открыть ему доступ к казённым суммам, хранившимся в Одесо⁵³. Таким образом, обеспеченный финансово, Виталиан стал свободен в действиях. Собранная им военная си-

⁵³ Одесо – современный город Варна.

ла оказалась внушительной, доходила до пятидесяти тысяч человек. С ней он и двинулся на юг. А для прикрытия своего мятежа он распустил слух, что идёт на защиту православия от покушений монофизитов Анастасия... Не встречая сопротивления, он дошёл до самой столицы, расположился лагерем в Евдоме и подъезжал даже к Золотым воротам...

Его, Юстина, мало интересовали причины, которые побудили Виталиана выступить против василевса Анастасия. Но он знал, что в тот раз с Виталианом удалось договориться, выплатить все долги. И он ушёл обратно во Фракию.

И вот теперь он снова идёт на Константинополь. С большими силами. В составе его армии гунны из Паннонии. И он уже под столицей, занял предместье Сики, на том берегу Золотого Рога... Свою штаб-квартиру он устроил близ церкви Архангела Михаила. Его флот дошёл опять до Сосфения. Некоторые корабли закрыли выход в Понт Эвксинский...

– Но экипажи на кораблях у него неважные: готы и гунны!.. Плохие моряки! – сообщил Анастасий.

– Он рассчитывал и на сочувствие у исавров! – сказал Юстин. – Засылал к моим экскувитам лазутчиков. Но те отказали ему, остались верны присяге императору!

– Теперь перейдём к делу! – прервал его Анастасий. – Тебе придётся возглавить несколько кораблей эскадры! Командует императорским флотом адмирал Марин!.. И ты поступаешь в его подчинение!..

Заметив отстраняющий испуганный жест рукой Юстина,

он категорически выпалил:

– Справишься!.. Не беспокойся!.. Иди принимай корабли! Виталиан с флотом на подходе к стенам Константинополя! Не теряй время!..

Юстину ничего не оставалось, как только подчиниться.

Подхватив меч и щит, – с ними он явился к василевсу, – он выбежал из его палаты. За ним выбежали его телохранители и близкие ему офицеры.

Вскоре он был уже на месте, где стояла императорская эскадра.

Первым делом он нашёл корабль адмирала Марина, поднялся на борт, представился ему.

– Юстин, ипостратег, глава эскувитов! От василевса Анастасия для борьбы с Виталианом!

Марин пожал ему руку, затем стал вводить в курс дела.

– Давай обсудим, как будем действовать против флота мятежников! Ты возьмешь командование над двумя кораблями. И при первой же встрече с кораблём противника постарайся либо взять его на abordаж, либо потопить!.. Твоя задача привлечь на себя побольше их кораблей, чтобы они напали на тебя всем скопом!.. В это время я подойду незаметно к ним, когда они увязнут в драке с тобой, и пушу в дело «греческий огонь»... Не попадись под него сам со своими кораблями, не то останутся только одни головешки! – пошутил адмирал.

Адмирал, молодо выглядевший, загорелый и подвижный,

был типичным греком, со светлыми глазами, задорно блесившими. Вся жизнь его была связана с морем. Он родился у моря, прожил всю жизнь рядом с ним и упокоится, наверное, тоже в море...

– Вот смотри, где ты встретишь их корабли! – развернул адмирал карту, на которой были нарисованы пролив Босфор, залив Золотой Рог и прилегающая к побережью Константинополя Пропонтида.

Он указал место встречи с кораблями Виталиана севернее Золотого Рога.

– Там дуют наиболее сильные ветры с Понта Эвксинского. Я же с флотилией пройду севернее, к скалистому мысу, скрытно встану там... Когда мятежники войдут в Босфор, я выйду оттуда и закрою им выход в Понт Эвксинский... Ты же будешь подходить к ним со стороны Пропонтиды...

– Так мы возьмём их в клещи! – рассмеялся Юстин.

– Да! – усмехнулся адмирал. – А теперь иди на свой корабль!

Простившись с адмиралом, Юстин вскоре был уже на одном из своих кораблей. Подняли паруса, гребцы взялись за вёсла, и с попутным ветром корабли вышли из гавани Феодосия, где они стояли на якорях, и пошли к Босфору. Там, как донесла разведка, в Босфор уже вошёл флот Виталиана... Да, вон и они: показались вдали корабли мятежников. Шли они под парусами, но странно, зигзагами, как неумелые подростки, дорвавшиеся впервые до большого дела.

– Слушай мой приказ! – крикнул он своим легионерам, толпившимся на палубе триеры. – Приготовиться к нападению на неприятеля!.. Корабли мятежников брать на abordаж! Выбивать команду, рубить снасти, топить сами корабли!..

Он проследил, как выстроились легионеры вдоль борта триеры с длинными abordажными шестами с крючьями на концах, чтобы хватать за снасти корабли противника.

Сам же он прошёл на корму, встал к рулевому штурвалу и направил свою триеру на идущий на них головной корабль мятежников.

По всему было заметно, что мятежники хотят потопить его, передовой корабль Юстина, вызвать этим панику, затем идти на abordаж другого... Но мятежники ещё не замечали, что позади них из засады вышли корабли эскадры под командованием Марина.

Смекнув это, Юстин заметил, что одна из галер Виталиана, не сбавляя хода, шла и шла на его триеру... Ещё, ещё!.. И вот он, миг удачи. В последний момент перед столкновением нос в нос Юстин резко вывернул рулевое колесо влево, затем так же резко крутанул вправо... И его триера прошила своим носовым шпилем вражеский корабль, а подводный нос триеры вонзился в бок вражеского корабля... Тот весь вздрогнул, триера Юстина потянула по инерции его за собой вперёд, в то же время сминая и топя...

С накренившейся палубы мятежного корабля всё, что там

находилось, покатилося к борту, сметая с палубы людей... И корабль начал ложиться на бок, зачерпнул бортом воды, стал погружаться в морскую пучину.

Это, как успел заметить Юстин, действительно оказался флагманский корабль мятежников. Но тут на него пошли другие корабли Виталиана.

Юстин растерялся было, не соображая, чем же потопить этих... И когда к нему приблизился один из тех кораблей, он дал команду легионерам на обоих своих кораблях:

– На абордаж!..

Легионеры стали бросать верёвки с крючьями на снасти кораблей мятежников, подтянули их ближе, бросили мостки на борт, метнулись по ним на корабль мятежников... Там завязалась драка на мечах... Шум, звон мечей, скрежет кораблей, трущихся друг о друга... Гунны дерутся жёстко, не уступают...

Но тут подоспел Марин, пустил «греческий огонь» против кораблей мятежников. Они запылали и начали в страхе разбегаться в стороны... Все, кто был на борту, стали прыгать в море, спасаясь от бушующего на кораблях огня.

Юстин же развернул свои корабли и повёл их через бухту Золотой Рог на Сики, предместье которого было занято войсками Виталиана. На берегу и на судах, стоявших в бухте у причалов, поднялась паника.

Гунны бежали из Сики, бросая всё, что было награблено, бросали даже своих раненых и больных.

Юстин приказал своим офицерам и легионерам зачищать от мятежников крепость Сики и берега бухты Золотой Рог.

Адмирал Марин, заметив, как толково разделался Юстин с вражеским кораблём, вызвал панику на кораблях Виталиана, просигналил ему со своего корабля, чтобы он отправлялся к василевсу и доложил ему результаты сражения.

Вытеснив мятежников с противоположного берега бухты Золотой Рог, Юстин так и сделал, как приказал адмирал: отправился во дворец.

Представ перед василевсом, он доложил ему, что они одержали полную победу.

Утром же донесли дозоры, что ночью из крепости Сики бежал и Виталиан. Вскоре стало известно, что он с остатками своей армии укрепился в Анхиале, во Фракии, на расстоянии шестидесяти миль от Константинополя.

Глава 6. Родственные связи Теодориха

До византийского двора, до Анастасия, стали доходить слухи об очень активной деятельности Теодориха. Тот стал вступать в родственные связи с королями и князьями немецких соседних королевств. И это беспокоило Анастасия.

Сам Теодорих надумал взять себе вторую жену. Это была принцесса франков, Авдофледа. Она приходилась сестрой королю франков Хлодвигу. Для этого он сначала переговорил со своей супругой. А та не стала возражать, когда он объяснил цель этой второй женитьбы.

– Всё это я делаю для того, чтобы связать федерацией сейчас разрозненные немецкие королевства в единое сильное государство, державу, чтобы можно было на равных говорить с Византией... Я заставлю служить нам Венеру вместо Марса! – рассмеялся Теодорих, уже освоив мифологию древних римлян.

И они принялись обсуждать невест из немецких королевств.

– Дорогая, ты, случайно, не слышала, сестра короля Хлодвига, Авдофледа, не замужем ли?

– Пошли своих доверенных к Хлодвигу, пусть прямо спросят, не согласится ли его сестра стать второй супругой

короля Теодориха.

В королевство франков срочно снарядили послов. Они уехали с богатыми подарками, с заданием узнать всё о принцессе: помолвлена или уже замужем.

Король Хлодвиг сначала принял настороженно послов Теодориха. Когда же узнал причину их приезда, то радости его не было предела. Его сестра, принцесса Авдофледа, была уже в годах, засидевшаяся невеста, перестарка, как ходит молва в народе. Поэтому он был рад спихнуть её какому-нибудь князьку. А тут сам король Теодорих не против взять её на содержание... Так понял Хлодвиг, сам уже в немалых годах, озабоченный, как бы пристроить всех своих родных в надёжные королевские дома... Исподволь, напоив к тому же послов, он выведал, зачем королю Теодориху понадобилась вторая жена... И когда послы намекнули ему о цели своего короля, то он понял замысел Теодориха: тот хочет установить родственные связи с ближайшими немецкими королевскими семействами и так укрепиться... И он, больше не колеблясь, дал согласие.

Свою среднюю дочь, Аревагни, Теодорих уже выдал замуж несколько лет назад за бургундского кронпринца Сигизмунда, сына короля бургундов – знаменитого Гундобада. В то же самое время Теодорих предложил королю визиготов, Алариху, свою младшую дочь, красавицу Тиудигото, чудесную сердцем девицу.

За красавицей Тиудигото приплыл на корабле сам король визиготов. О его визите сообщили его придворные люди, пригнавшие вперёд него скорым ходом.

Затем, через неделю, на горизонте, на подходе к Равенне показался целый флот из десятка кораблей.

Теодорих приказал палить с крепостных стен Равенны холостыми выстрелами из пушек, салютуя о прибытии высокогo гостя... С моря, с Ионийского залива, в ответ прогремели залпом пушки кораблей Алариха... Флагманский корабль пошёл с приливной волной к городу, а остальные корабли стали на якоря в заливе.

Корабль Алариха, украшенный флагами и вымпелами, подошёл к пристани Равенны, пришвартовался. С него бросили чалки, положили сходни. Аларих сошёл на берег со своей свитой, подошёл к королю Теодориху, поздоровался, слегка поклонившись.

Теодорих сердечно обнял его, поздравил с благополучным прибытием. Затем он представил ему своих придворных, государственных чиновников, пригласил всех в свой королевский дворец.

Во дворце, в большой приёмной палате, гостей встречала супруга Теодориха со своей дочерью Тиудигото в окружении придворных дам. И тут же была его вторая супруга, Авдо-

фледа, со своей свитой придворных дам.

В этот же день Теодорих дал роскошный обед в честь короля визиготов. Через неделю состоялось обручение молодых. Церемония прошла в базилике Святого Аполлинария, в присутствии огромного числа гостей. А затем была свадьба, множество подарков молодым, поздравления, и целую неделю проходили состязания на мечах, танцы и застолья.

Из Равенны Аларих уехал с юной супругой и увёз богатое приданое за ней, её туалеты, золото и серебро, а также союзный договор с королём остготов о дружбе и взаимопомощи.

* * *

Все намеченные Теодорихом свадьбы прошли удачно, пышно, с богатыми дарами.

И сразу же после них к Теодориху внезапно нагрянула его сестра Амалафрида. Женщина она была мужиковатого склада, стукнула кулаком о стол в его кабинете, в замке в Равенне:

– Ты всё думаешь только о себе! Почему бы не побеспокоиться о своей сестре?

– Амалафрида, дорогая, но кто знал, что тебе наскучило вдовствовать в одиночестве?.. И потом, как же твои дети: Теодат и Амалаберта?

– Они уже взрослые – им не нужна мать! – отмахнулась от этого Амалафрида.

– Для тебя, дорогая, у меня есть ценный подарок! Таких мужчин сейчас не найдешь!..

– Настоящий мужчина только ты! – грубо польстила ему Амалафрида.

Она засмеялась, чувственно, грудным голосом.

– Ну кто же, кто? – вскричала она. – Говори, не тяни!

Теодорих рассмеялся: с какой страстью ещё его сестра, женщина уже немалых лет, интересуется мужчинами.

– Да не мужчинами! – раздражённо посмотрела она на него. – А деньгами, имуществом!.. Не тяни! Кто он? И что у него есть в наличии?

Теодорих вздохнул, как будто собирался отрывать что-то от себя личное или самое ценное от своего королевства.

– Это король вандалов Трасамунд! Вся Северная Африка раньше принадлежала римлянам, сейчас принадлежит ему! Вот и решайся!

Амалафрида уже связала свою дочь Амалаберту супружеской связью с Херминафридом, королём Тюрингии.

– Да он же нищий! – не скрывая, прямо говорила она, когда выдавала за него Амалаберту. – Ни слуг, ни конюшни, ни конюхов!.. Чем живёт-то – непонятно!..

Теодорих с приданным Амалафриде тоже исходил из политических целей укрепления своего королевства. Амалафрида получила от него крепость Лилибей на острове Сицилия.

– И это всё! – заворчала Амалафрида. – А где золото, деньги?..

– Деньги есть у Трасамунда, и достаточно, чтобы содержать тебя.

Видя, что она осталась недовольной таким приданым, он, поколебавшись, предложил ей ещё:

– Выделяю тебе почётную свиту из шести тысяч вооружённых готов!.. Но содержать их буду я...

Она согласилась с таким раскладом, тщеславная, что будет иметь столь огромную свиту.

Он же видел, что она не поняла, что так он, выдавая её за короля Трасамунда, обеспечивал защиту южной части своего королевства от Византии с помощью вандалов, чей флот господствовал на Средиземном море.

После этой родственной связи с королём вандалов он почувствовал было себя спокойно, что обезопасил себя со всех сторон. Но прошло всего каких-то семь лет, как король Хлодвиг вторгся в Галлию, стал вытеснять оттуда вестготов... В сражении с франками погиб король Аларих, зять Теодориха, бездарный и слабый военный... Но с ним он был связан договором о взаимопомощи... И он был вынужден послать армию во главе с Иллом навстречу Хлодвигу, чтобы остановить дальнейшее продвижение франков в Галлии... Война была кровопролитной, но Илл вышел из неё победителем, изгнал франков из Южной Галлии, отрезал им доступ к Средиземному морю. Теодорих же после этой военной кампании включил в состав своего королевства Прованс. Испания и побережье Средиземного моря от Роны до Пиренеев оста-

лась за вестготами.

Через три года после этого поражения в Галлии умер король франков Хлодвиг.

С вестготами же нужно было снова устанавливать родственные связи, порвавшиеся с Аларихом.

И Теодорих, посчитав, что сейчас это будет вполне прилично, завёл разговор с Авдофледой, сестрой короля Хлодвига.

– Дорогая, нашей дочери Амалазунте уже тринадцать лет, – начал он, специально пригласив её на прогулку в сад дворца в Вероне. – Не пора ли подумать о её замужестве?

По характеру Авдофледа была похожа на своего брата: мило улыбается, общительна, если же что-то ей не понравится – не уступит ни за что.

– И кто же тот жених? Ты уже присмотрел его? Надеюсь, не римлянин? – съязвила она.

– Ну что ты!.. Хотя и римляне не плохие люди!.. Твой брат уничтожил мою связь с вестготами! Мне же нужно установить прочные отношения с ними! Но теперь у меня нет больше дочерей, кроме Амалазунты!

– Только за знатного вестгота! И ты объявишь его своим наследником! – стала диктовать свои условия Авдофледа. – Моя дочь, племянница Хлодвига, достойна занять королевский трон!..

Теодорих впервые услышал зов королевской крови недавнего своего соперника. Подумав, он согласился, посчитав,

что впереди ещё есть время решить этот вопрос окончательно.

* * *

Через четыре года, в 515 году, он сосватал Амалазунту за знатного испанского вестгота Евтариха из рода Амалов.

Жених прибыл в Равенну скромно, на двух кораблях, украшенных флагами, вымпелами и алыми парусами, чтобы произвести на невесту впечатление. Один корабль остался на рейде, другой же, с женихом, прошёл к пристани Равенны. Там его уже встречал король Теодорих, его супруга Авдофледа со знатными дворцовыми дамами.

Когда Евтарих сошёл на берег под залпы холостых пушек, Теодорих приветствовал его, обнял как родного сына... Затем он вошёл с ним впереди свиты за крепостные стены города.

На следующий день в большом зале дворца жениху представили невесту, Амалазунту. Та, смущенная, с румянцем на щеках от волнения, была прелестна.

Обручение молодых произошло, когда они познакомились ближе. Амалазунта уже не стеснялась жениха, они общались свободно, прогуливались каждый день по большому дворцовому парку. Обручение молодых состоялось тоже в базилике Святого Аполлинария, как и у предыдущей пары, короля Алариха и красавицы Тиудигото. А затем сыграли

свадьбу, тоже с подарками, играми, застольем и танцами.

Теодорих выделил Амалазунте роскошное приданое из золотых изделий, украшений из драгоценных камней, золотые кубки и много серебра.

Евтарих загостился у короля Теодориха ещё на целый месяц. Затем он поднялся с супругой на борт корабля, и они уплыли в Испанию.

В это время у Теодориха опять вызвал возмущение его племянник Теодат, сын Амалафриды от первого её брака. В его канцелярию пришла жалоба на него.

– Опять этот жадный клоп! – не сдержавшись вскричал он, когда референдарий зачитал ему жалобу. – И захватывает земли-то не только мелких владельцев, но и римских аристократов!.. Мне совсем ни к чему их недовольство!..

Знатный римлянин Домиций обращался к Теодориху с жалобой на людей Теодата, которые незаконно захватили его поместья.

Покричав, он велел референдарии выдать сайону⁵⁴ Дуде предписание, чтобы тот поехал к Теодату и отобранные им владения со всем захваченным имуществом были немедленно возвращены владельцу.

– Если же мой дорогой племянничек имеет справедливые притязания на какие-либо земельные владения, пусть предъявит гражданский иск, и после разбора дела с тяжущимися сторонами может быть вынесено решение в соответствии с

⁵⁴ Сайоны – особо доверенные короля, выполняющие его личные поручения.

законом!.. Так-то честнее будет, чем просто воровать! – про-
бурчал он.

Глава 7. Юстин I

На море, за крепостными стенами, уже второй день штормило. Стенало, мучилось, на что-то жаловалось море.

Все корабли и торговые суда попрятались в бухте Золотой Рог.

Юстина же изводила головная боль всю ночь с седьмого на восьмое июля. Шёл 518 год.

Днём он вроде бы расходилса, стало легче. К концу дня накатила тоска, что и этой ночью не станет легче, поскольку шторм на море не ослабевал. Холодный ветер, дующий с Босфора, с Понта Эвксинского, гонял на улицах столицы пыль, гнул, раскачивал пальмы. Низкие тёмные тучи бороздили небо, царапали крыши домов и высокие купола церквей, и всё ползли и ползли, и не было им конца... На безлюдном притихшем ипподроме скрипела на ветру какая-то мачта, и казалось, что ипподром, как уставший, нагулявшийся вволю бандит, спал дурным сном, изредка вскрикивая.

Громадный город, в миллион жителей, оказался абсолютно беззащитным перед стихиями природы.

Юстин обошёл все караулы дворца, как он делал это каждый вечер, проверил, всё ли в порядке и все ли экскувиты на местах. Затем он ушёл к себе на двор, здесь же, на громадной территории Большого дворца, обнесённой со всех сторон крепостными стенами.

Лупицина уже ждала его, чтобы отужинать вместе с ним.

Омыв лицо и руки водой из кувшина, с которым услужливо подбежал к нему слуга, Юстин прошёл в столовую комнату, сел на лавку у стола.

Слуги собрали на стол обычный лёгкий ужин, какой предпочитал он на ночь.

Пужинав, он встал из-за стола, прошёл в соседнюю спальную комнату. За ним прошла Лупицина. Она стала рассказывать ему новости этого дня, для неё важные. Ему же, после тревог и забот прошедшего дня, ни до чего не было дела: будоражили слухи о василевсе... Препозит священной спальни⁵⁵ евнух Амантий в последние два дня не показывался никому на глаза, скрывался от всех где-то в бесчисленных покоях василевса.

«Не к добру!» – подумал Юстин, тоже не заметив за весь день Амантия.

В иные же дни он встречался с ним по роду службы раз по десять на дню. Тот ведал личными покоями василевса, в его управлении находились ведомства, обслуживающие нужды императорского двора... Юстину же подчинялась дворцовая стража, отряд экскувитов в триста человек.

Этими своими мыслями, о василевсе и Амантии, он поделился с Лупициной. Та, выслушав его, сказала, что мало ли

⁵⁵ Препозит священной спальни – евнух, ведавший личными покоями императора. В его управлении находились ведомства, обслуживавшие личные нужды императора.

что там, у василевса, происходит во дворце.

– Ну, может быть, Анастасий приболел... Амантий же хороший лекарь...

Она беспечно отмахнулась от его тревог.

Юстина же удивляло в Лупицине вот это: её лёгкое отношение к жизни и смерти. В этом проглядывала беспечная наивность ребёнка, не ведающего, что он может умереть, и в то же время мудрость успокоенного старца, понимающего, что нет ничего вечного на земле, не вечен и он сам.

Лупицина вышла в соседнюю комнату. Вскоре она вернулась в женской тунике, длинной, из тонкого шёлка.

– Тебе нравится? – стала она поворачиваться перед ним, демонстрируя свой наряд.

Затем она крутанулась на месте так, что подол платья веером вздулся вверх, прошёлся ветерком по лицу Юстина, обнажив её красивые и стройные ноги, всё ещё вызывающие у него влечение.

Она впервые вот так показывала ему свои наряды. Почувствовав с некоторых пор его холодность к себе, она подумала было, что он завёл проститутку, каких в городских борделях было полно, либо уже сказывается его возраст. Ему уже было немало лет, и все страсти остались в прошлом. Дети же у них так и не появились. И оба сожалели об этом.

С вечера Анастасий остался один в огромных покоях Большого императорского дворца... Спальная палата, с мраморными колоннами, едва обогреваемая жаровней, казалась как никогда холодной.

Прошедшую ночь он, как и Юстин, тоже мучился из-за непогоды. Мучили его и воспоминания... Всплыла в памяти покойница Ариадна... «Не к добру!» – шевельнулось у него холодком в груди... По-своему он любил её... Страсти не было, но добрые отношения у них сохранились до последних её дней... Она умерла три года назад... Детей у них уже и не могло быть.

– Детей надо заводить – когда они заводятся! – сказала она как-то, когда у них зашёл об этом разговор в бытность его, Анастасия, уже императором...

И вот теперь ни её, Ариадны, ни детей... Передать царство, империю, некому... «Племянники!» – мелькнуло у него сейчас... И он тут же отбросил эту мысль, как старался не говорить тем, чтобы не обнадёживать, не создавать напряжённость возле трона... У него было три племянника: Проб, Ипатий и Помпей... Особые неприязнь и недоверие сложились у него к Ипатию, сыну своей сестры Кесарии и её мужа Секундина. Ипатий возглавил войско, которое Анастасий направил на подавление мятежа Виталиана... И Ипатий по-

зорно проиграл сражение Виталиану, погибло много легионеров. Сам Ипатий попал в плен... Унизительный!.. Проб и Помпей – не лучше Ипатия!..

И эта неопределённость с наследником мучила его тоже.

В середине ночи буря за стенами дворца, в проливе Босфор, разошлась с особенной силой... Молнии, гром, вой ветра обрушились на императорский дворец, огромный город и его окрестности.

Но вот очередная молния осветила его царские покои... И внезапно перед ним, рядом с его постелью, появилась гигантская фигура... Перед его постелью стоял он... Зенон!.. Таким, каким его увидели, когда открыли крышку саркофага: с изъеденными руками, которые он грыз от голода... И она, Ариадна, спокойно взирала на эти ужасные останки своего бывшего мужа, закрытого в саркофаге ещё живым, когда посчитали, что он мёртв: настолько он был мертвецки пьян... И она, несмотря на то что из-под каменной крышки саркофага вскоре слышались крики о пощаде, проклятия и стоны, не разрешила открывать его... Отвратительные, огромные тёмные впадины глазниц... Безносый череп скалился, казалось, звал его, Анастасия, за собой... Затем свет так же мгновенно погас... И темноту расколол ужасный грохот грома...

Дыхание у Анастасия зашлось, сердце замерло... «Ещё чуть-чуть вдохнуть бы воздуха... Ещё разок...»

И сердце, поддаваясь его волевому приказу, стукнуло в последний раз, заглохло... Ему, Анастасию, было девяносто

Этой ночью, несмотря на все предосторожности, Юстина снова донимала непогода, буря, завывающая за крепостными стенами в Босфоре, где бесновались волны.

Утром, когда только-только забрезжило, к нему домой прибежал из императорских палат евнух-посыльный с сообщением.

Когда Юстин оделся и вышел к нему, тот сообщил ему, что только что, этой ночью, скончался василевс Анастасий... И Амантий сообщил об этом уже магистру оффиций Келеру и вот теперь сообщает ему, Юстину, начальнику дворцовой стражи и особого отряда императорской гвардии.

– Сейчас буду! – сказал Юстин, отпуская посыльного.

Он сразу же направился в гарнизон экскувитов. Там он приказал дежурному поднимать весь гарнизон... Он догадывался, что тот же Келер обязательно явится во дворец со всеми своими схоляриями. А их у него не так уж и мало: раза в два больше, чем у него, Юстина, экскувитов... Правда, те были вооружены послабее, чем его гвардейцы, да и духом уступают его экскувитам, набираемым обычно из исавров... Те же, ещё дикий народ, были храбрые воины... Смutil их Анастасий, заставил служить империи.

Когда он явился со своими экскувитами во дворец, там

уже повсюду стояли на караулах схолярии... Кругом было много вооружённых, охрана, сенаторы, патриции...

Юстин тоже расставил своих людей в оцепление. Часть из них он направил на крепостные башни, по всему периметру крепостных стен Большого дворца. Всё было предусмотрено на случай всяких непредвиденных ситуаций.

Все сенаторы и патриции собрались в приёмной зале Лавзиак. И там Амантий сделал официальное сообщение о смерти василевса Анастасия, скончавшегося этой ночью.

После объявления Амантия в зале некоторое время стояла тишина: все тревожно взирали друг на друга и вокруг, ища опору в известном, в ближних и друзьях.

Собрание властных людей затянулось. После окончания его Юстин остался во дворце. День уже клонился к концу. Да и погода стала поворачивать в добрую сторону. Уже не так бесновался ветер. Как будто буря, сделав что-то нужное, затихала... И Юстину показалось, что и его судьба стала поворачиваться куда надо. Ему было уже шестьдесят восемь лет, а у него всё было ещё впереди. Неблагодарная судьба не баловала его с самой юности. Всё оставляла на потом, ленилась она, порой просто забывала о нём, а то нарочно издевалась, всем поведением своим твердила: мол, не спеши, дружок. Куда тебе-то, с такой родословной, туда же, в царский ряд...

Сейчас он вздохнул свободнее. Вот не стало Анастасия, авторитетного для него, которого он уважал, уважал за то,

что тот сразу же заметил его, когда он только-только появился на службе во дворце. И его поддержку он чувствовал всегда... «А теперь?» – спросил он сам себя... Теперь остались у него в жизни одни соперники и враги... С ними же как вести себя, если встанут у него на пути?..

«Ещё Флавий Юстиниан!» – подумал он о племяннике.

Того он усыновил, дал ему своё имя. Постарался дать хорошее образование и воспитание. Он же сам так и не нашёл в жизни время, чтобы научиться хотя бы мало-мальски читать и писать.

Не нравилось ему в племяннике только одно: что тот связался с Феодорой, потаскушкой, падшей женщиной. И похоже, серьёзно вляпался с ней.

* * *

На следующий день с утра саркофаг с телом Анастасия выставили на всеобщее прощание на постаменте в Христриклине.

Юстин, как ипостратег над экскувитами, занял место в почётном карауле у изголовья василевса. По другую сторону саркофага стоял магистр оффиций Келер.

Стоя со скорбным выражением на лице, Юстин мысленно пытался вспомнить всё, что связывало его с Анастасием, но не мог. Слишком много было всего пережито у него с этим человеком.

В фиолетовой мантии, в такого же цвета башмаках, василевс выглядел как обычно при жизни. Рядом с гробом на постаменте лежала корона... Седую голову старца прикрывала фиолетовая шапочка... Саркофаг из порфиروهого камня был украшен фиолетовыми лентами... Горели свечи, приятный запах ладана волнами омывал палату.

Было много чиновников и советников покойного, все в чёрном... Играла тихая музыка, монахи-монофизиты пели погребальные псалмы...

Во второй половине дня саркофаг подняли экскувиты-гвардейцы на плечи и вынесли из Большого дворца через ворота Халки. Рядом, тут же, уже стояла повозка, с запряжёнными лошадьми... Саркофаг поставили на повозку, и траурная процессия тронулась, под мерный шаг гвардейцев, к церкви Святых Апостолов, месту упокоения императоров, воздвигнутому ещё императором Константином.

И сразу же, как только повозка тронулась, толпа простого народа окружила её: мужчины, дети. Вслед за ними шли женщины и рвали на себе волосы. Отдельной группой шли и громко стонали наёмные плакальщицы... И всё это волнами плача и горьких жалоб покатилося вслед за повозкой.

* * *

Толпа венетов, экскувитов и многих примкнувших к ним схоляриев, подхватив под руки Юстина, потащила его на ип-

подром, затащила на Кафизму... На мраморный пол бросили щит... Юстин встал на него. Его окружили со всех сторон легионеры, его экскувиты, загородив щитами... Шум, грохот щитов, лязг мечей, крики воинов: «Юстин – твоя победа!»

В круг, где он стоял окружённый своими экскувитами, подали длинную фиолетовую мантию, бархатную, тяжёлую... Затем один из его экскувитов возложил на него свою золотую шейную цепь... Патриарх же Иоанн торжественно возложил ему на голову корону... Когда он полностью переделся в платье императора, экскувиты подняли его на щите, затем опустили, их круг разомкнулся... И он сошёл со щита и встал на кафельный пол Кафизмы, глядя смело в лица людей, окружающих его, и чувствуя, как нарастает в груди тревога...

Тяжесть золотой короны чувствовалась, и в то же время она оказалась как раз по нему. От этого он приободрился, осмелел... Кругом же всё то же: крики легионеров, лязг мечей и грохот щитов...

Два патриция, взяв его под руки, подвели к императорскому трону, вот здесь, на Кафизме, с которой много лет взирали на скачки и бои Зенон, затем Анастасий с Ариадной... И он сел в императорское кресло, поняв, что теперь это его место.

В памяти у него всплыло недавнее прошлое: когда он, Юстин, случайно наступил на императорскую мантию Анастасия на приёме персидского посла... Он вспомнил ту фра-

зу Анастасия: «Ну куда ты спешишь-то!...»... И вот только теперь он понял, что так, не назначив преемником никого из своих племянников, считая, что они погубят империю, его дело, Анастасий оставил для него, Юстина, приоткрытой дверь к власти императора. И сейчас он, Юстин, шагнул в эту дверь и закрыл её для других, выстроившихся в очередь... К тому же его племянник, Юстиниан, его помощник, уговаривал его ввязаться в драку за трон... Сам же он, уже изрядно уставший, измотан был жизнью. Но всё равно какой-то червячок самолюбия всё ещё искал молодости, задора. И вот только сейчас, под этот грохот, суматоху, он понял, что его молодость уже ушла...

Когда он встал с трона, чтобы отправиться в собор Святой Софии и короноваться там, ипподром взревел, приветствуя его, нового императора. И он поневоле под этот рёв толпы распрямился, почувствовал былую ещё оставшуюся силу, вскинул руку в торжествующем порыве, и в сопровождении телохранителей, патрициев, комитов и священников он покинул Кафизму. По знакомым ему до мелочей мраморным ступенькам дворца Кафизмы, затем тайной лестницей спустились все сопровождающие его из дворца Кафизмы к Фермам Зевкситы и через вестибюль Халки вышли на площадь Августеона. За ней, за площадью, возвышался величественный храм Святой Софии.

Торжество в храме Святой Софии прошло обычным делом, как и прежде в таких случаях, на которых он сам при-

существовал не раз.

* * *

Через неделю после провозглашения императором Юсти-
на евнух Амантий со своими единомышленниками обвини-
ли в храме Святой Софии Юстина в подлоге с деньгами.
Амантий дал их ему для раздачи экскувитам, подкупить их
выступить за кандидата, которого он метил на место импе-
ратора. Но Юстин раздал деньги своим экскувитам, и те вы-
ступили за него...

В соборе, когда Амантий заикнулся об этом, поднялись
крики в толпе, среди солдат и болельщиков ипподрома: «Не
бойтесь манихеев Амантия!.. Юстин правит!..»

– Надо положить этому конец! – возмутился Юстиниан,
не понимая, почему дядя медлит расправиться с Амантием
и его единомышленниками.

Юстин колебался... Прошла ещё неделя. Напряжение в
столице нарастало. Евнухи осмелели, заметив, что он не
предпринимает против них никаких мер.

– Они уже проявили себя! – горячился племянник, что
было необычно для него.

На это его подталкивала Феодора, униженная в детстве
и юности, считая, что её красота является залогом быть ей
самой первой, императрицей...

Юстиниан же видел, что дядя не пойдёт на обострение с

Амантием и его сторонниками. Сам он не стал колебаться.

– Ты дождёшься того, что они поднимут мятеж прасинов на ипподроме, вьются сюда и расправятся с тобой, а заодно и со мной!.. Но вот этого я не допущу! – выкрикнул он и выскочил из его палаты.

К вечеру у него уже всё было готово: он раздал большие суммы денег своим сторонникам, приказал им арестовать Амантия, евнухов, которые выступают за него, а также из числа патрициев и дворцовых чиновников, и посадить их в заключение.

Наутро Юстину стало известно, что одного из сторонников Амантия раздавили в тюремной камере огромными валунами. То же сделали с рядом других недовольных избранием нового императора, а многих отправили в ссылку в провинции... Оппозиция новой власти была подавлена... В столице стало спокойно.

У Юстина же, после этой операции племянника по устранению Амантия и его единомышленников, зародилось где-то глубоко внутри потаённое недоверие к нему... Что тот сделает такое же и с ним, своим дядей, когда встанет вопрос о выборе: власть или он, его дядя... И тот выберет... Он отмахнулся от этой нехорошей мысли, но с тех пор она уже не оставляла его. На время забывалась, затем как будто снова оживала, уснувшая было, впадала в спячку.

Тем временем для укрепления своей власти Юстин стал возвращать из изгнания тех, кто пострадал безвинно при Анастасии.

Патриций Апион вернулся одним из первых милостью нового василевса. Он уже был в преклонных годах. Кроме того, он не находил за собой никакого проступка, из-за чего Келлер невзлюбил его и, отстранив от управления в войне с персами, послал указ Анастасию. А тот формально подошёл к делу... Вернувшись в Константинополь при Юстине, он был восстановлен в официальной должности. Вскоре Юстин назначил его преторианским префектом⁵⁶ Востока. Возвращены были и несколько епископов, халкидонян, которых сверг Анастасий и сослал в Сирию.

Юстин с племянником долго ломали голову, думали: разрешить ли возвратиться в столицу Виталиану. Это был самый опасный из всех противников, кого сверг Анастасий. И самый влиятельный лидер в народе, среди партий ипподрома. Он дважды восставал, и восставал с одной лишь целью: сместить Анастасия и стать императором... И это больше всего беспокоило Юстина и его племянника. И тот и другой понимали, что у Виталиана не было серьёзных религиозных

⁵⁶ Префект – начальник преторианской гвардии.

убеждений. Просто он использовал их для своих целей.

Особенно боялся его Юстиниан, когда думал, приглашать ли его в Константинополь. Он боялся его опыта в военных делах, его известности, его популярности в среде фракций ипподрома, стремления к императорской власти.

Но всё-таки он решился, решился противопоставить своё влияние и силу, влиянию и силе Виталиана, одновременно притворяясь его другом.

Это хорошо понял и Виталиан и был всегда начеку при общении с ним.

– Если он взмахнёт платком, то партия синих пойдёт на штурм дворца! – серьёзно воспринимал племянник влияние на синих Виталиана. – Его надо убрать, а для этого сначала надо заманить сюда, в столицу!..

– Как? – спросил Юстин.

– Дать ему звание консула!..

– Хм!.. Недурно придумано!.. У тебя есть молодцы, которые расправились с Амантием и его компанией... Вот и дай им ещё заработать! – сказал Юстин племяннику...

Когда Виталиану пришло приглашение прибыть в Константинополь, он долго думал, так как одновременно с приглашением прибыть в Константинополь его насторожило появление кометы, которая предвещала измену, разрушение и другие бедствия... И он вспомнил политику покойного Анастасия, который не держал своего обещания... После долгих раздумий он принял предложение, но выставил условия га-

рантий со стороны императора и Юстиниана честных намерений, которые должны быть даны сначала, с торжественными религиозными формальностями.

Их встреча произошла в Халкидоне, в церкви Святого Евфимия.

В присутствии епископов, многочисленных священников Юстин и Юстиниан дали клятвы безопасности Виталиану. В свою очередь Виталиан поклялся не нарушать верности императору.

Затем они разделили Святые Дары, причастие, после чего все отправились в Константинополь.

Виталиан немедленно был возведён в звание воина придворной гвардии.

Вскоре, в понедельник на Страстной неделе, в столицу прибыло посольство от папы римского Хормисдаса. Столица приветствовала легатов с большим великолепием. На десятой миле от города, у так называемого Круглого замка, легаты были встречены Виталианом, Помпеем, племянником покойного Анастасия, и Юстинианом, сенаторами, патрициями, священниками.

И почти целый год между представителями Восточной церкви и Западной шли дискуссии об основах ортодоксального учения, еретиках, которых следовало изгнать из Церкви Христовой. В письме папе римскому Юстин хвалил действия легатов в Константинополе и соглашался с папой римским о епископах, имена которых легаты предлагали вычеркнуть

из диптихов... Но некоторые из этих епископов, писал он, являются возлюбленными таким большим количеством населения их городов, что они должны будут получить более умеренную и более осторожную оценку. Уведомлял он папу римского и о том, что он планирует послать в Рим в ближайшее время специального посланника для более детального обсуждения по этому вопросу.

Легаты покинули Константинополь через год, оставив многие вопросы нерешёнными.

В этом же году Виталиан, с его коллегой Рустикусом на Западе, был удостоен на год почётного звания консула.

И он, став консулом, теперь официально открывал игры на ипподроме.

Обычно с Кафизмы сначала звучала переливами военная труба, призывая всех на ипподроме к вниманию.

И на край балкона Кафизмы выходил консул Виталиан. Взоры всех на ипподроме обращались к нему... В правой руке консул держал высоко над головой белую салфетку, показывая всем зрителям, затем он бросал её вниз, как сигнал начала гонок.

И по ипподрому, сорвавшись с места, неслись колесницы всех четырёх фракций: синих, зелёных, белых и красных... Вот на одном из поворотов столкнулись две колесницы, сцепились колесами, опрокинулись... Возницы уже дерутся... Вмешались буйные зрители, болельщики... Вспыхнула драка синих и зелёных, быстро распространяясь и за пределы

ипподрома по городу.

Виталиан со своими офицерами смело ринулся по улицам города, останавливая драку, которая уже перешла в бойню.

Популярность нового консула была так высока, что вскоре обе фракции стали дружески обниматься, крича: «Слава консулу Виталиану!»... В состоянии возбуждения они промчались с ним на колеснице напоказ вокруг города.

Все колесницы вернулись на ипподром.

Виталиан был весь в пыли, грязный и потный, возбуждённый, весёлый и беззаботный... В этот момент к нему подошёл посыльный из Большого дворца и пригласил от имени императора на банкет в дворцовой палате Дельфы.

– Хорошо! Мы вскоре придём! Окунёмся в бассейн и придём! Передайте так Юстиниану! – отпустил он посыльного.

Виталиан и его два лейтенанта, Сигул и Пол, искупались в бассейне после такого жаркого и насыщенного событиями дня. Одевшись, они пошли в банкетную палату Большого дворца, и там, на пороге палаты, Виталиан и его два лейтенанта, его нотариус и слуги, были остановлены и убиты.

Один из лейтенантов успел всё же выхватить нож, висевший у него на поясе, стал отбиваться от убийц... Но тех было много... И он тоже проиграл драку за жизнь, как и его спутники... Тела убитых оттащили волоком за ноги из палаты дворца в маленький чуланчик, уже заранее намеченный для этого, и оставили там до ночи, когда можно будет спокойно вывезти их из дворца и закопать тайно на одном из

городских кладбищ.

* * *

Как только ушли первые острейшие заботы с установлением своей власти и укреплением её, Юстин собрал своих советников и чиновников для решения ещё одного важного дела.

– Какие отношения теперь должны складываться с западной частью империи?.. Анастасий заключил договор с королём остготов Теодорихом на таких условиях: Италия остаётся частью империи, сам же Теодорих принимает на себя функции и сан короля, но как представителя императора Византийской империи...

Но квестор Прокл уточнил:

– С тех пор, когда было заключено это соглашение, прошло уже двадцать три года! И ситуация сильно изменилась... Её изменил сам Теодорих! С виду, внешне, всё вроде бы по-прежнему: он признавал себя зависимым королём, не требовал прав на чеканку денег. Его постановления, которые он издавал, сидя в Равенне, не имеют формы легитимности, а только указов.

– Ну, указал и указал!.. Кто-то исполнил, а кто-то игнорировал! – сказал Юстин, не придавая этому большого значения.

Юстиниан напомнил, что самое главное в правовом поло-

жении было то, что Зенон и Анастасий передали Теодориху право назначать в Италии одного из консулов. Другой же назначался здесь, в Константинополе. Соглашение исключало остготов из должности консулов. Теодорих назначал консула, но не мог назначить никого из остготов. Все консулы были только римляне...

В Константинополе с тревогой наблюдали, как Теодорих заполняет новые варварские троны своими родственниками. Соседние германские королевства занимали сыновья, внуки королей. И они, эти германские королевства, связанные родственными узами с Теодорихом, постепенно из года в год охватывали Византию цепью: на севере – Паннония, на западе – Италия, Сицилия, Равенна и там же франки, бургунды, в Африке – вандалы, в Испании – вестготы. С востока же Византии постоянно грозила Персидская держава и арабские государства.

Вот для обсуждения всех этих острых проблем и угроз Юстин и собрал своих ближних советников и чиновников.

– Послать к Теодориху предложение: назначить его зятя Евтариха консулом на следующий год, – стал развивать свою уловку Юстиниан. – Кто из смертных остготов откажется от такой чести!.. Это будет первый консул из их среды!..

Когда же присутствующие согласились с таким ходом политики по отношению к набирающему силу Остготскому королевству, Юстин обратился к Проклу.

– Что скажешь ты на это, Прокл? – спросил он квестора.

Тот покачал неопределённо головой, почмокал губами, словно пробовал на вкус новое предложение племянника василевса.

– После сумятицы и столкновений среди священников! – начал квестор. – К тому же сместили монофизита Севера с патриаршества. А что творилось здесь в июле в прошлом году!.. И надо быть осторожными, поскольку на том же востоке империи началось преследование еретиков: монофизитов, манихеев, ариан, евреев, самаритян, язычников и несториан!.. А ведь Теодорих исповедует, как и все готы, арианскую ересь! И он сейчас настороже!.. Поэтому назначение Евтариха – дружественный жест королю Теодориху!..

После ещё долгого и нудного выступления он согласился с предложением Юстиниана:

– Я одобряю! Хорошо придумано! Успокоит ариан, хотя бы на время!

– Да, да, выиграем время! – поддакнул Юстин.

– А вообще-то, как я слышал, зятёк Теодориха, тот Евтарих, ещё тот тип!.. Сволочь ещё та, – тихо произнёс Прокл последнюю фразу, чтобы никто не услышал.

– Есть ещё такой ход! – заявил Юстиниан. – Перетянуть на свою сторону сенат в Риме! Он сейчас полностью под властью Теодориха! Нужно связаться с сенаторами, благосклонно относящимися к нам. Послать им письма! Склонить их следовать за их собственной, римской политикой и интересами...

– У ариан скопились огромные богатства! – напомнил ещё об одном опасном явлении Прокл. – И церковь, ортодоксальное христианство, патриархи будут его добиваться и делить!..

* * *

На следующий, 519 год Юстин издал указ о назначении Евтариха консулом, а сенат подтвердил его законность.

Получив сообщение о назначении Евтариха консулом, Теодорих сразу же вызвал его из Испании в Равенну.

Он встретил корабль своего зятя в порту. Когда Евтарих и его супруга сошли на берег, он сердечно поздравил зятя с присвоением ему высокой почётной должности. Затем он обнял свою дочь Амалазунту, прижал её к груди, истосковавшись по ней. Но особенный восторг вызвал у него вид малыша, всего годик, его внука, Аталариха. Родители специально взяли его с собой, чтобы показать свою гордость, чадо, красивого и уже сейчас похожего на мать.

Он даже засюсюкал от вида малыша в люльке, которую поднесли к нему две няньки, ухаживающие за малышом.

Налюбовавшись внуком, что было необычно для него, он пригласил всех во дворец. Там молодой супружеской паре уже были выделены роскошные апартаменты, спальня, приёмная для гостей... Кругом полно было слуг, все спешили услужить гостям... И сам король тоже суетился...

За обедом он напомнил зятю о его поездке в Рим.

– Езжай, там тебя ждут!.. Сенат, патриции, народ – все жаждут посмотреть на их будущего короля! – открыто говорил он о том, что уже было решено им самим.

Он отдыхал душой и сердцем, довольный, что всё идёт к совершенному концу его трудной, но и насыщенной взлётами и падениями жизни. Теперь есть кому подхватить его дело, он отдаёт королевство в надёжные руки. У него упала с плеч эта забота, что тяготила его, с наследником, его законным преемником. Теперь уже не было сомнений, кто им будет.

– При тебе постоянно будет там, в Риме, мой оруженосец Тэвдис!

Заметив на лице зятя гримасу, он ещё сильнее стал настаивать:

– Не артачься! Это надёжный телохранитель!.. Испытанный мной за двадцать лет во всех сражениях... Позови Тэвдиса! – велел он слуге.

Слуга вышел из палаты, вскоре вернулся. За ним, неторопливо вышагивая, вошёл громадина Тэвдис.

– Ты звал, государь? – спросил он короля.

– Вот этот господин – мой зять Евтарих! – показал Теодорих на зятя. – И ты с сегодняшнего дня отвечаешь за его жизнь своей головой! Будешь его тенью, сопровождать в поездке в Рим! И там охранять его, как великую драгоценность!.. Тебе всё понятно?!

– Да, государь, – ответил громадина Тэвдис.

– Ты свободен! Пока здесь, во дворце, находится Евтарих!
Тэвдис поклонился королю и вышел из палаты.

* * *

На следующий день Евтарих ушёл, со своей тенью Тэвдисом, на корабле в Рим, оставив жену и сына в Равенне. Одновременно с прибытием его в Рим туда привезли на кораблях клетки с дикими животными из Африки, от короля вандалов Трасамунда и его всегда восторженно-возбуждённой супруги Амалафриды, в подарок новому консулу, первому из остготов.

Римляне толпами хлынули в амфитеатр, чтобы посмотреть на блестящие игры, организованные там, на консула из Испании и диких невиданных ещё здесь животных из Африки...

В разгар торжеств Евтариху представили специального посланника из Византии от императора Юстина, прибывшего на это торжество.

– Я восхищён от такого зрелища, которое не видел ещё ни разу! – не удержался от восклицания посланник, пожимая руку новому консулу. – Желаю, чтобы ваше консульство прошло так же, как и началось!.. Чтобы изумило всех!..

К нему, Евтариху, подходили сенаторы, патриции и даже простые римляне, поздравляли, говорили несколько лест-

ных слов, желали успехов.

Один из сенаторов представился:

– Аниций Боэций!.. А это мой хороший приятель, патриций Пробин! Он и его сын Цетег весьма интересные люди! И хорошо знают Рим, его достопримечательности, историю, места развлечения порядочной публики! И злачные места тоже! Хм! – ухмыльнулся Аниций, переглянувшись с патрицием и его сыном.

Позади же них, казалось, нависая, маячила фигура оруженосца Тэвдиса, с настороженностью оглядывая публику, собравшуюся вокруг Евтариха... Боэция, служащего короля Теодориха, Тэвдис знал хорошо... Слабак!.. И как все сильные люди, не уважая таких, считал их не стоящих его внимания, да и вообще ни на что не годных.

Но всё равно он не отставал от молодых людей ни на шаг, когда они направились в сторону древнего Рима.

Евтарих ни разу ещё не был в Риме и хотел посмотреть сначала на Форум, а уже затем на знаменитые гонки на колесницах в Колизее.

Он сразу же понял, что в Риме, в сегодняшнем Риме, ценится не родословная и происхождение, а что ты представляешь сам по себе, чего достиг ты, именно ты, а не твои предки. И этим он был восхищён, так как сам был из таких же слоёв вестготов.

Форум находился в низине, куда можно было попасть, спускаясь по крутому склону.

– Там, около Капитолия, настоящая пропасть! – показал Боэций в сторону Капитолия. – Спуск более пологий на противоположном конце! Около арки Тита! Вот мы туда и пойдём!..

Евтарих видел, как со всех сторон спускались люди к Форуму, на зрелища.

Они пошли к арке Тита. Обходя площадь Форума, лежащую в низине, они миновали несколько базилик, дворец для сената, прошли проход на ярусы для деловых людей, банкиров, лавки которых теснились вокруг сводчатых проходов, и вышли в нужное место, к арке Тита. Через неё они вошли на Форум и пошли по главной улице Форума, Виа Сакра – Священная дорога... Миновали базилику Константина и храм Ромула, прошли мимо храма Антонина и вышли прямо к базилике Юлия Цезаря.

– Это место, куда принесли тело Цезаря в день его похорон, – начал рассказывать Боэций. – Здесь Антоний, раскрыв его и показывая на его кровавые раны, поднял толпу на мятеж... Здесь же тело Цезаря было сожжено толпой, пьяной от гнева и боли... Через несколько дней после этого на этом же месте в его честь был воздвигнут жертвенник, где приносили ему жертвы!.. Затем жертвенник стал храмом. Из него, Юлия, официально сделали бога...

Поднимаясь к Капитолию всё по той же улице, они нашли свободное, незанятое место на ступенях храма Сатурна, с которого была хорошо видна внизу трибуна Форума,

толпящиеся вокруг неё политиканы. Яростно жестикулируя, они о чём-то спорили...

– Демократия! – пробурчал Боэций, показав на тех политиканов. – Она везде требовательна и подозрительна!..

Времени до гонок в Колизее было достаточно, и, чтобы занять своих спутников, Пробин стал объяснять им, как можно попасть кратчайшим путем сюда, на древний Римский форум.

– Если вы не знаете Рим, то лучше входить в него по Фламиниевой дороге и пройти через форум Траяна, форумы Нервы, Веспасиана, Августа и Цезаря! Так можно прийти, наконец, на древний Римский форум!.. Когда Август стал императором, у него был на Палатинском холме маленький дом. Понимая, что владыка мира не может жить как частное лицо, ему нужен дворец, он скупил там же, на Палатинском холме, несколько домов и на их месте построил дворец... Вон он – виден отсюда! – показал Пробин на дворец, выделяющийся на холме своими размерами по сравнению с другими дворцами...

Всё той же компанией, беседуя, они направились затем к Колизею, куда стекались толпы желающих посмотреть на гонки... И по мере приближения к Колизею нарастал гул толпы, как шум прибоя бушующего моря, низкий и тяжёлый... Когда же они попали внутрь арены, их буквально оглушило то, что там творилось.

Гонки были уже в разгаре. Они опоздали, с трудом нашли

свободные места, сели.

Евтарих, оказалось, был равнодушен к таким народным зрелищам.

И Боэций, чтобы как-то занять его, стал рассказывать историю этих зрелищ из прошлого. Как одно зрелище, бои с животными, приходилось на утро, а другое, бои гладиаторов, на дневные часы... Как однажды Сулла выпустил на арену сотню львов.

– Это было впервые, когда животные свободно бродили, а не были привязаны к столбам...

И как на представлении, на котором присутствовал Цицерон, было убито шестьсот львов...

– Там же, на арене, были слоны, и они в страхе ломали барьеры, пытаясь спастись!..

– А зачем сначала были зрелища с животными, затем уже бои гладиаторов? – спросил Евтарих.

– Так разогревали, заводили толпу убийством животных перед убийством людей...

Недосмотрев до конца гонки колесниц, они покинули Колизей и уселись за столы, уже стоявшие на улицах, для желающих выпить вина...

На следующий день они пришли во дворец Сената. Там их уже ждали. Первым выступил Кассиодор. В торжественной речи он восхвалял Евтариха. Ответную речь перед сенаторами держал Евтарих. Он благодарил за оказанную честь императора Юстина и короля Теодориха. Когда он закончил

речь, его обступили со всех сторон сенаторы. Приветствуя его, каждый из них старался набиться к нему в приятели.

К Евтариху подошёл и Кассиодор. Они разговорились. Кассиодор вскользь упомянул, что начал писать историю Остготского королевства.

– А вы напишите историческую хронику, – предложил Евтарих ему. – И подарите мне!

– Ну, краткую, возможно!.. Подробная же и тщательно продуманная требует сбора большого материала. И она займёт не один год труда! – стал говорить Кассиодор о трудностях такого дела, чтобы избавиться от просьбы консула.

– Ну ладно! Хотя бы краткую! – согласился Евтарих.

Они выпили вина за эту сделку. Расстались они лучшими друзьями.

* * *

Евтарих пробыл в Риме несколько дней. Они сильно утомили его, и он с облегчением покинул Вечный город.

В Равенне, когда он возвратился туда, его тесть, король Теодорих, уже подготовил ему официальную встречу и зрелище более великолепное, чем в Риме. И в Равенне остготы веселились как дети несколько дней, бурно празднуя это первое возведение в консулы их соплеменника.

Торжества закончились, начались будни, а с ними и заботы.

Теодорих после этих дней, наполненных увеселениями, несколько расслабился. Эти торжества в Риме, затем в Равенне, назначение императором первого остгота в консулы, специальный посол из Константинополя уверили его, что мир между Италией, его Остготской монархией, и востоком, той же Византией, установился надолго, на длительный период процветания и при его преемнике.

Эту тему он подробно осмысливал, вызывая на откровенные беседы то епископа Эннодия, то Кассиодора или референдаря Киприана, других проникательных придворных дипломатов.

От Эннодия он многого и не ожидал, кроме хвалебных песен. Кассиодор, тот ещё был слишком молод, чтобы говорить правду как она есть и в лицо самому королю... А вот референдарий уже старик, ему нечего уже опасаться... Потом, он не слишком умён, чтобы быть изворотливым и сочинять что-то, близко похожее на правду.

Такие беседы Теодорих обычно любил проводить в Вероне, в своём королевском дворце, что стоял на вершине холма, откуда он любовался заснеженными Альпами.

Туда он приглашал того же Эннодия или Киприана.

Вот и в тот раз, после возвращения из Рима Евтариха, он собрал там интересных для себя людей, умные речи которых любил послушать.

И когда Эннодий однажды стал развивать доказательства в пользу обращения в веру силой, он возмутился этому вы-

сказыванию епископа.

– Мы не можем предписать веры, ибо нельзя силой заставить человека верить!.. Я постоянно говорю остготам, исповедующим арианство, что римляне, католики, соседи вам по владениям, так пусть их с вами объединяет любовь, а не религиозное различие!.. Ты же – и такие, как ты, – хочешь внести в их среду религиозную вражду!..

Эннодий что-то пробормотал в своё оправдание, но больше не заикался о различиях веры.

И как раз в это время пришло с гонцом сообщение из Равенны, что там произошло волнение народа.

– Иудеи высмеяли обряды католиков, а те в отместку сожгли их синагоги! – стал докладывать гонец. – Волнения перекинулись и в другие города Италии!..

– Пустые стремления народа приводят только к разрушениям, – процедил сквозь зубы Теодорих. – А что же делает там, в Равенне, Евтарих, наш наследник власти?

– Ждёт вашего указа!.. В канцелярию, к Кассиодору, пришла жалоба иудеев на поджог, – сообщал дальше гонец.

Теодорих тут же велел референдарию Киприану послать к Евтариху приказ: собрать с римских граждан деньги на восстановление равеннских синагог. У кого же не найдется на это денег, водить их с позором по городу при криках глашатаев.

– Возложить выполнение всего этого на Евтариха, нашего наследника!

Варварские вторжения в империю через Истр, через цепочку стоявших по самому Истру крепостей продолжались. Вторжения были и при всех предыдущих императорах.

Вся степь севернее Истра кишела племенами, не подчиняющимися никому. Атила объединил их на короткое время своей властью, под жёсткой рукой. Со смертью же Атилы его огромная держава распалась на десятки самостоятельных, никому не подчиняющихся племён. И появились племена под собственными именами: болгары, скифы, остготы, гунны, славяне, анты⁵⁷... Их связывала на время только нажива, набеги на земли богатой Византийской империи.

Эти набеги, и каждый год, привели к тому, что поля пустели, зарастали травой, край дичал. Крестьяне, спасаясь от кочевников, бежали дальше на юг империи.

В таких заботах о несчастных городах и людях Юстин как-то отвлёкся от более грозной опасности империи. Он старался не думать о ней, надеясь, что там, на границе по Истру, всё уладится само собой. Но нет, не успокаивалось, не утихло.

После одного из заседаний совета у василевса Прокл специально задержался в его кабинете. На совете же речь шла о торговле Византийской империи, о доходах с неё, которые

⁵⁷ Анты – название объединения славянских племён у византийских и готских писателей VI – нач. VII в. Жили преимущественно между Днестром и Днепром.

падали из года в год.

Когда все чиновники вышли, Юстин, увидев, что квестор не собирается покидать кабинет, спросил его:

– Ты что-то хочешь сказать?

– Ваше величество, я хотел бы поговорить о наших торговцах и моряках... Уж слишком они робки, когда дело касается ходить в далёкие края за прибыльным товаром!..

– Ты хочешь заставить их ходить с товарами за далёкие моря и высокие горы! – засмеялся Юстин. – Они, наши торговцы, ужасно ленивы!

Закончив обсуждать эту тему, они помолчали.

– То, что ты рассказал – хорошо! – с чего-то тяжело вздохнул Юстин. – Но меня больше беспокоит положение на севере, на полуострове Таврика. Степные области полуострова заняли гунны. На западе полуострова город Херсонес наш, византийский! В горах же там живут остатки племён готов. И наши дипломаты всё делают для того, чтобы они стали нашими союзниками против гуннов... Я собираюсь восстановить с Боспором прежние отношения, бывшие ещё при греках!

Прокл только покачал головой от этих планов василевса, понимая сложность их исполнения на далёком севере, за морем.

Но Юстин не отступился от своих планов, как полагал Прокл.

На одном из заседаний императорского совета в тронном зале он задал вопрос сенаторам и патрициям:

– Нам грозит новая война с персами! Поэтому нужно связаться с союзниками... Какие наиболее подходят для войны с персами?

Советники молчали.

– Нужно послать на полуостров Таврика, в Херсонес и Боспор, для такого дела патриция, – предложил квестор. – Подойдёт Проб, как уже выполнявший такие поручения там же...

Проб, племянник покойного императора Анастасия, был незаурядный человек, неглупый, начитанный, скромный, но вялый при исполнении деловых поручений. Зачем Прокл предложил его, Юстин догадывался. Прокл не переносил брата Проба, Ипатия, человека заносчивого, и так хотел насолить их семейству... Персы же были напрочь отрезаны от Понта Эвксинского. Поэтому те, кто выступают с Таврики в помощь империи, будут уверены, что после войны с персами они окажутся в безопасности, вернувшись домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.